

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 133 (3789)

Вторник, 5 ноября 1957 г.

Цена 40 коп.

Информационное сообщение

О пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

В конце октября с. г. состоялся пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Пленум обсудил вопрос об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте.

Пленум принял соответствующее постановление, которое сегодня публикуется.

Пленум вывел из состава членов Президиума ЦК и из членов ЦК КПСС т. Жукова Г. К.

Постановление Пленума ЦК КПСС

Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте

Вооруженные Силы Советского Союза, одержав всемирно-историческую победу в Великой Отечественной войне, оказались на высоте своих задач и с честью оправдали любовь и доверие народов СССР.

В послевоенные годы благодаря заботам Коммунистической партии и Советского Правительства, на основе общего подъема народного хозяйства нашей страны, крупных успехов в развитии тяжелой промышленности, науки и техники, Вооруженные Силы СССР поднялись на новую более высокую ступень в своем развитии, они оснащены всеми видами современной боевой техники и вооружения, в том числе атомным и термоядерным оружием и ракетной техникой. Политико-моральное состояние войск находится на высоком уровне. Командные и политические кадры Армии и Флота беспредельно преданы своему народу, Советской Родине и Коммунистической партии.

Сложная международная обстановка, гонка вооружений в основных капиталистических странах, интересы защиты нашей Родины требуют от командиров, политорганов и партийных организаций и впрямь неустанно совершенствовать боевую готовность войск, укреплять воинскую дисциплину среди личного состава, воспитывать его в духе преданности Родине, Коммунистической партии, заботиться об удовлетворении духовных и материальных потребностей воинов.

Пленум ЦК КПСС считает, что в решении этих задач приобретает особое значение дальнейшее улучшение партийно-политической работы в Советской Армии и в Флоте, призванной укреплять боевую мощь наших Вооруженных Сил, сплачивать личный состав вокруг Коммунистической партии и Советского Правительства, воспитывать военнослужащих в духе беззаветной преданности Советской Родине, в духе дружбы народов СССР и пролетарского интернационализма. Между тем в практике партийно-политической работы имеются еще серьезные недостатки, а иногда проявляется и прямая недооценка ее.

XX съезд КПСС поставил перед Партией и народом задачу: держать нашу оборону на уровне современной военной техники и науки, обеспечить безопасность нашего социалистического государства. В решении этой задачи наряду с командирами-единоначальниками важная роль принадлежит Военным Советам, политическим органам и партийным организациям Армии и Флота. Все они должны твердо и последовательно проводить в жизнь политику Коммунистической партии.

Главный источник могущества нашей Армии и Флота состоит в том, что их организатором, руководителем и воспитателем является Коммунистическая партия — руководящая и направляющая сила Советского общества. Следует всегда помнить указание В. И. Ленина о том, что «политика военного ведомств, как и всех других ведомств и учреждений, ведется на точном основании общих директив, даваемых партией в лице ее Центрального Комитета и под его непосредственным контролем».

Пленум ЦК КПСС отмечает, что за последнее время бывший министр обороны т. Жуков Г. К. нарушал ленинские, партийные принципы руководства Вооруженными Силами, проводил линию на свертывание работы партийных организаций, политорганов и Военных Советов, на ликвидацию руководства и контроля над Армией и Военно-Морским Флотом со стороны Партии, ее ЦК и Правительства.

Пленум ЦК установил, что при личном участии т. Жукова Г. К. в Советской Армии стал насчитываться культ его личности. При содействии угодников и подхалимов его начали превозносить в лекциях и докладах, в статьях, кинофильмах, брошюрах, непомерно возвеличивая его персону и его роль в Великой Отечественной войне. Тем самым в угоду т. Жукову Г. К. искажалась подлинная история войны, извращалось фактическое положение дел, умалялись гигантские усилия советского народа, героизм всех наших Вооруженных Сил, роль командиров и политработников, военное искусство командующих фронтами, армиями, флотами, руководящая и вдохновляющая роль Коммунистической партии Советского Союза.

Партия и Правительство высоко оценили заслуги т. Жукова Г. К., присвоив ему звание Маршала Советского Союза, удостоив звания четырехжды Героя Советского Союза, наградив многими орденами. Ему было оказано большое политическое доверие: на XX съезде Партии он был избран членом ЦК КПСС, ЦК КПСС избрал его кандидатом в члены Президиума ЦК, а позднее — членом Президиума ЦК КПСС. Но т. Жуков Г. К., в результате недостаточной партийности, неправильно поняв эту высокую оценку его заслуг, потерял партийную скромность, которой учил нас В. И. Ленин, возмнил, что он является единственным героем всех побед, достигнутых нашим народом и его Вооруженными Силами под руководством Коммунистической партии, грубо нарушал ленинские, партийные принципы руководства Вооруженными Силами.

Таким образом т. Жуков Г. К. не оправдал оказанного ему Партией доверия. Он оказался политически несостоятельным деятелем, склонным к авантюризму как в понимании важнейших задач внешней политики Советского Союза, так и в руководстве Министерством обороны.

В связи с вышеизложенным Пленум ЦК КПСС постановил: вывести т. Жукова Г. К. из состава членов Президиума и членов ЦК КПСС и поручил Секретариату ЦК КПСС представить т. Жукову другую работу.

Пленум Центрального Комитета КПСС выражает уверенность в том, что партийные организации, выполняя решения XX съезда КПСС, будут и впрямь направлять свои усилия на дальнейшее укрепление обороноспособности нашего социалистического государства.

(Принято единогласно всеми членами Центрального Комитета, кандидатами в члены Центрального Комитета, членами Центральной Революционной Комиссии и одобрено всеми присутствовавшими на Пленуме ЦК военными работниками и ответственными партийными и советскими работниками).

Слово о Родине

Что такое Родина? Тот дом,
Где тобою детство позабыто?
Поле, лог, ракита над прудом,
Голубое месяца копыто?

И такую грез бы сердцем я,
Только — задыхаясь от печали,
Только чьи-то яркие края
Мучали б меня и обольщали.

Но в боях, в дождях, в снегах по грудь —
Подвиг наш другим понять едва ли! —
По тебе мы отыскали путь,
По тебе простор и облик дали.

Ты теперь — как на вершине той,
Где берут свое начало реки:
Ближе — полдень, солнцем залитой,
Глубже, чище — мысль о человеке.

Ты не поле пашешь — шар земной,
Глубь и высь, и ширь, и даль без края,
Где метелью переложен зной
И любовью — суга земная.

Ты за жизнь, за век несешь ответ,
В кулаке твоём, железно сжатом,
Серп и молот, молнии ракет,
Тайны мироздания и атом.

Хорошо, что травам и лесам
Плащется месяц белый ковшик света,
Но сегодня мчит по небесам
И твоя, из рук твоих, планета.

Вот какой ты стала!.. Так живи,
Мчись, крылами тучи подминая.
Чище, строже, ярче нет любви,
Чем к тебе, любовь моя земная!

Николай ГРИБАЧЕВ

Владимир Ильич ЛЕНИН

Рис. худ. Н. ЖУКОВА

ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ!

СОВЕТСКОЙ власти сорок лет. И тебе — тоже сорок лет. Ты — ровесник Октября. И хоть знаешь, что факт этот чисто случайный, все же при одной мысли о нем испытываешь необычайное волнение. Правда, на какое-то время становится немозжго грустно: ведь сделано тобой так мало по сравнению с тем гигантским рывком в будущее, которое совершила твоя ровесница — Советская Родина. Потом вспомнишь, что у тебя лишь две руки, а у Отчества, рожденного Великим Октябрем, их миллионы. И грусть сменяется горделивым чувством от сознания того, что где-то в этом исполинском сплетении рук есть и твоя рука, пусть слабая, пусть незаметная, но все же усилие, направленное к одной цели. А ведь одиночное, помноженное на миллионы, становится сокрушающе грозным.

У трудного человека во все времена была одна мечта: как избавиться от работы, как выработать руки, чтобы они, умеющие делать решительно все, научились, наконец, ковать счастье твоей семье, тебе самому и таким же работающим людям, как ты. То в одном месте земли, то в другом вспыхивали народные восстания. Разгневанные, доведенные до крайней степени отчаяния, рабы поднимали руку на своих хозяев. Но кончалось это одним и тем же: восстания свирепо подавлялись. Проходили века, проносились столетия за столетием, а мечта оставалась прежней: как выволнить себя из неволи. Падали на мостовую тираны, сраженные террористами-одиночками. Но на место убитого паря садился другой, часто еще более жестокий, — и все шло по-старому...

Тучи, однако, сгустились. Прирак коммунизма уже бродил по Европе. Светлокудрый юноша из Симбирска склонился над «Капиталом», — он уже видел иной путь избавления народа от дикой и тупой тирании самодержавия и капитализма. Стена, которая иным казалась несокрушимой, не страшна было Ульянова: перед богатырем, который вскоре расправит плеча и встанет во весь свой великанский рост, стена эта рухнет, обратится в прах. Теперь нужно было только помочь богатыря родиться, иными словами, — соединить «миллионы плеч», сомкнуть, плотно прижать их друг к другу с тем, чтобы перед этой живой стеной не смогли устоять никакие цитадели.

Но кто же сомкнет эти плечи? Кто сольет в один могучий поток реки народного гнева? Где та сила, в которую безраздельно и уже навеки может поверить человек серпа и молота?

...Из далекого Шушенского возвращался Ильич. Он вез с собой выношенный и выстраданный за годы сибирской ссылки четкий план — создать, во что бы то ни стало партию, которая одна только и сможет своей волей, своим разумом, предельной ясностью своих идей и программ объединить рабочий класс, сплотить его, воспитать, сделать стальной рабочей движенье созидательным, целеустремленным.

И вот уже в недвких, темных, узловатых руках рабочего появ-

лась крохотная газетка — та самая «Искра», из которой вскоре разгорится, запыхает над страной, забушует пламя, в котором суждено будет дотла сгореть российскому самодержавию.

Первый штурм, однако, не удался. И нытики, меньшевики, двурушники, оппортунисты и соглашатели самых разных мастей трусливо и злобно зашипили: «Не надо было браться за оружие». А русская литература, захлестнутая мутным потоком декадентства, переживала тогда позорнейшую страницу своего бытия (лишь голым буревестником революции — Максима Горького и еще нескольких писателей продолжал звучать гордо и смело). Казалось, все было сделано для того, чтобы отравить душу человека ядом неволи, заставить опустить руки, дать покрепче связать их и навсегда или, по крайней мере, на многие годы отказаться от попыток совершить новую революцию, примириться с прежним своим положением раба, накопитель богатств для своего угнетателя.

Нетрудно было в таком положении власть в отчаяние, растеряться, оскудеть, опустить духом. Но этого не случилось. Рабочие вновь услышали бойкий, уверенный голос своего великого вождя: надо было браться за оружие, надо еще более решительно, более смело браться за оружие! Первый штурм не удался... Но не всякая крепость сдастся после первого штурма. Нужен второй, а может быть, и третий штурм! Но даже и тогда, когда самодержавие с грохотом рухнуло, маловеры продолжали твердить: нет, мол, в России такой партии, которая смогла бы взять власть в свои руки. И тогда-то прозвучало знаменитое ленинское:

«Есть такая партия! Проходили годы, десятилетия. Вот уже минуло сорок лет. Сколько бурь пронеслось над советской землей, сколько огненных смерчей пробуждало! И на всех крутых перевалах, в пору самых тяжелых испытаний мы помнили, мы знали это: «Есть такая партия!» Мы знали, что Коммунистическая партия, ставшая в нашей стране государственной, руководящей силой общества, выведет народ с честью из всех испытаний, какие бы ни выпали на его долю.

Первая мировая и гражданская войны вконец разорили и без того нищую страну. Неме гладыши ввесь холодные трубы заводов и фабрик. Ржавели в тунниках, казались, навеки умолвшие локомотивы. Из конца в конец, с севера на юг, с юга на север, с запада на восток и с востока на запад — по всей огромной земле нашей гнал людские толпы неугомонный и не-

утомленный погонщик — голод. Тифозная мгла настала слякучая с родимых мест людей и кошла их тысячами. Видя в этом народном бедствии своего союзника, жностранные империалисты усиливали экономическую блокаду молодой республики Советов.

И надо было быть Лениным, чтобы и на этот раз не дрогнуть, не растеряться, не погасить ни в себе, ни в людях, пошедших за ним, великой веры в праведность избранного пути, веры в светлое будущее, веры в победу социализма. Надо было иметь такую партию, с которой твердо можно было идти на любой эксперимент. Ленин имел такую партию. Именно поэтому он так спокойно и уверенно выдвинул в свое время до дерзости смелый план быстрого экономического возрождения голодной, разнутой и раздетой страны, план, вошедший в историю под именем плана. Имея такую партию, Ленин скоро решительно объявил: мы год отступали, а теперь ловильно!

Социализм наступал по всемирному фронту. Это было далеко не мирное шествие. Нам мешали. Да и сами мы нередко отступали, потому что история не успела позабыться о нас и не проложила нам прямых дорог. Мы шли непроторенными путями, шли, часто обирая в кровь лица, шли, может быть, не самым кратчайшим маршрутом. Однако шли безропотно, шли и знали, что придем к намеченной нами цели. Знали, что в лице своей партии имеем умного, зоркого глаза и бесстрашного проводника. «Коммунисты, вперед!» — стало отныне и навсегда нормой поведения каждого члена партии. И в это трудное шествие включалась и звонголосая, дерзкая, совсем еще юная советская литература. Со страниц книг шагали в мир непотворимо прекрасные, пленительные, полные внутренней силы и обаяния образы коммунистов, пробуждая в людях веру в человека, его великое назначение на земле. И произведения, в которых с полной творческой отдачей созданы образы коммунистов, стали классическими — в большинстве своем еще при жизни их авторов. Исчезла грань между жизнью и литературой. Впервые в истории человечества они составили единый поток.

Рабочий, крестьянин, литератор — все стали рядовыми труженниками на лесах великой стройки. Им то и дело приходилось откладывать в сторону молот, кирку, лопату и браться за меч, чтобы отразить разбойные нападения недругов наших. И тогда пе-

ре писателя уподоблялось разящему штыку. А над борющейся страной с новой силой гремело: «Коммунисты, вперед!»

Путешественник, приехавший в мою страну, посчитай, и ты удивишься неожиданному и поразительному своему открытию: оказывается, из сорока советских лет почти добрая половина ушла на войны, навязанные нам врагами, и на восстановление разрушенного войнами. И если ты честный человек, ежели не навелся шоры на свои глаза, ты не можешь не подивиться чуду, которое — не в сказке, а наяву! — встало перед тобой: совсем еще недавно (сорок лет — это ничтожно короткий срок для истории) бедная, угубая «страна березового ситца» превратилась в могущественную державу мира, державу, за которой уже сейчас нередко приходится бежать вприпрыжку Соединенным Штатам Америки. Ведь это о ней, о моей стране, писал недавно человек, в прошлом истрагивший режиссера, чтобы оклеветать ее:

«...Советская Россия вырвала из рук Америки факел и отдала у нее право считать себя господствующей страной в области науки и техники. Сейчас нужно позабыть о том, что Россия была «отсталой» страной. Наоборот, сейчас она может носить гордое звание первой страны, осуществившей величайшую научную революцию в истории науки».

И все это произошло потому, что у нас есть партия, вооруженная самой передовой теорией, позволяющей ей стать мотом класса, делом его, силой и славою, партия, способная поднять миллионные массы на немалые трудовые и боевые подвиги.

Нашим недоброжелателям за рубежом, тем, что в чужом глазу увидят соломинку, а в своем не заметят и бревна, следовало бы задуматься над одним весьма существенным обстоятельством: «Как же так? На Западе говорят, что Советской Россией управляют одни бюрократы, и это в то время, когда там огромная, в прошлом неустрашенная, полуустынная земля покрывалась первоклассными заводами, новыми городами и селами, заилась океаном электрического света, там первыми создали атомную электростанцию, межконтинентальную ракету и, наконец, искусственный спутник Земли, который вот уже ровно месяц носится вокруг планеты и не устает от стремительного своего бега? А ведь за первым в головокружительное путешествие вокруг земного шара отправился второй...». Может быть, такие размышления пошли бы на пользу. Когда-то английскому фантасту наши планы казались архаичными сказками. Будь Уэллс жив, как бы он посмеялся, но только уж не над «кремлевским мечтателем», а над самим собой.

Мы понимаем, конечно, что недругов наших не вразумишь никакими доводами. Они упорно будут белое называть черным: во всем, что касается Советского Союза, они хотели бы видеть только плохое. Их не радуют наши успехи. Зато эти успехи радуют нас, наших друзей, которых стало значительно больше — миллионы этак на семью, — людей, которым коммунисты помогли понять, что

плохо человеку, когда он один. Горе одному, один не воняет, — каждый ложный ему господин, и даже слабые, если двое. А если в партию сгрудились малые, — сдается, враг замри и ляг! Партия — рука миллионопала, сжатая в один громающий кулак.

Мы счастливы, что есть такая партия у нас, есть она у китайцев, корейцев и вьетнамцев, у болгар и у румын, у чехов и у поляков, у венгров и у албанцев, у немцев и у югославов; есть она у трудящихся и в капиталистических странах. Мы счастливы тем, что опыт нашей партии помогает нашим друзьям строить новую жизнь на своей земле, бороться за такую жизнь.

А что касается писателей, то они и впрямь будут держать равнение на партию, как это они делали все сорок советских лет, но только так и можно слить свои усилия с усилием народа, судьбами которого всегда озбочена партия. И со страниц новых романов, повестей, пьес и поэм в большую, бесполойную, героическую нашу жизнь шагнет новое поколение Чапаевых, Корчагиных, Лавиных, Вершинных и Воропаевых, шагнет для того, чтобы помочь людям разумнее жить, работать, бороться и побеждать.

Нашим недоброжелателям за рубежом, тем, что в чужом глазу увидят соломинку, а в своем не заметят и бревна, следовало бы задуматься над одним весьма существенным обстоятельством: «Как же так? На Западе говорят, что Советской Россией управляют одни бюрократы, и это в то время, когда там огромная, в прошлом неустрашенная, полуустынная земля покрывалась первоклассными заводами, новыми городами и селами, заилась океаном электрического света, там первыми создали атомную электростанцию, межконтинентальную ракету и, наконец, искусственный спутник Земли, который вот уже ровно месяц носится вокруг планеты и не устает от стремительного своего бега? А ведь за первым в головокружительное путешествие вокруг земного шара отправился второй...». Может быть, такие размышления пошли бы на пользу. Когда-то английскому фантасту наши планы казались архаичными сказками. Будь Уэллс жив, как бы он посмеялся, но только уж не над «кремлевским мечтателем», а над самим собой.

Мы понимаем, конечно, что недругов наших не вразумишь никакими доводами. Они упорно будут белое называть черным: во всем, что касается Советского Союза, они хотели бы видеть только плохое. Их не радуют наши успехи. Зато эти успехи радуют нас, наших друзей, которых стало значительно больше — миллионы этак на семью, — людей, которым коммунисты помогли понять, что

плохо человеку, когда он один. Горе одному, один не воняет, — каждый ложный ему господин, и даже слабые, если двое. А если в партию сгрудились малые, — сдается, враг замри и ляг! Партия — рука миллионопала, сжатая в один громающий кулак.

Мы счастливы, что есть такая партия у нас, есть она у китайцев, корейцев и вьетнамцев, у болгар и у румын, у чехов и у поляков, у венгров и у албанцев, у немцев и у югославов; есть она у трудящихся и в капиталистических странах. Мы счастливы тем, что опыт нашей партии помогает нашим друзьям строить новую жизнь на своей земле, бороться за такую жизнь.

А что касается писателей, то они и впрямь будут держать равнение на партию, как это они делали все сорок советских лет, но только так и можно слить свои усилия с усилием народа, судьбами которого всегда озбочена партия. И со страниц новых романов, повестей, пьес и поэм в большую, бесполойную, героическую нашу жизнь шагнет новое поколение Чапаевых, Корчагиных, Лавиных, Вершинных и Воропаевых, шагнет для того, чтобы помочь людям разумнее жить, работать, бороться и побеждать.

Нашим недоброжелателям за рубежом, тем, что в чужом глазу увидят соломинку, а в своем не заметят и бревна, следовало бы задуматься над одним весьма существенным обстоятельством: «Как же так? На Западе говорят, что Советской Россией управляют одни бюрократы, и это в то время, когда там огромная, в прошлом неустрашенная, полуустынная земля покрывалась первоклассными заводами, новыми городами и селами, заилась океаном электрического света, там первыми создали атомную электростанцию, межконтинентальную ракету и, наконец, искусственный спутник Земли, который вот уже ровно месяц носится вокруг планеты и не устает от стремительного своего бега? А ведь за первым в головокружительное путешествие вокруг земного шара отправился второй...». Может быть, такие размышления пошли бы на пользу. Когда-то английскому фантасту наши планы казались архаичными сказками. Будь Уэллс жив, как бы он посмеялся, но только уж не над «кремлевским мечтателем», а над самим собой.

Мы понимаем, конечно, что недругов наших не вразумишь никакими доводами. Они упорно будут белое называть черным: во всем, что касается Советского Союза, они хотели бы видеть только плохое. Их не радуют наши успехи. Зато эти успехи радуют нас, наших друзей, которых стало значительно больше — миллионы этак на семью, — людей, которым коммунисты помогли понять, что

плохо человеку, когда он один. Горе одному, один не воняет, — каждый ложный ему господин, и даже слабые, если двое. А если в партию сгрудились малые, — сдается, враг замри и ляг! Партия — рука миллионопала, сжатая в один громающий кулак.

Мы счастливы, что есть такая партия у нас, есть она у китайцев, корейцев и вьетнамцев, у болгар и у румын, у чехов и у поляков, у венгров и у албанцев, у немцев и у югославов; есть она у трудящихся и в капиталистических странах. Мы счастливы тем, что опыт нашей партии помогает нашим друзьям строить новую жизнь на своей земле, бороться за такую жизнь.

А что касается писателей, то они и впрямь будут держать равнение на партию, как это они делали все сорок советских лет, но только так и можно слить свои усилия с усилием народа, судьбами которого всегда озбочена партия. И со страниц новых романов, повестей, пьес и поэм в большую, бесполойную, героическую нашу жизнь шагнет новое поколение Чапаевых, Корчагиных, Лавиных, Вершинных и Воропаевых, шагнет для того, чтобы помочь людям разумнее жить, работать, бороться и побеждать.

Нашим недоброжелателям за рубежом, тем, что в чужом глазу увидят соломинку, а в своем не заметят и бревна, следовало бы задуматься над одним весьма существенным обстоятельством: «Как же так? На Западе говорят, что Советской Россией управляют одни бюрократы, и это в то время, когда там огромная, в прошлом неустрашенная, полуустынная земля покрывалась первоклассными заводами, новыми городами и селами, заилась океаном электрического света, там первыми создали атомную электростанцию, межконтинентальную ракету и, наконец, искусственный спутник Земли, который вот уже ровно месяц носится вокруг планеты и не устает от стремительного своего бега? А ведь за первым в головокружительное путешествие вокруг земного шара отправился второй...». Может быть, такие размышления пошли бы на пользу. Когда-то английскому фантасту наши планы казались архаичными сказками. Будь Уэллс жив, как бы он посмеялся, но только уж не над «кремлевским мечтателем», а над самим собой.

Мы понимаем, конечно, что недругов наших не вразумишь никакими доводами. Они упорно будут белое называть черным: во всем, что касается Советского Союза, они хотели бы видеть только плохое. Их не радуют наши успехи. Зато эти успехи радуют нас, наших друзей, которых стало значительно больше — миллионы этак на семью, — людей, которым коммунисты помогли понять, что

плохо человеку, когда он один. Горе одному, один не воняет, — каждый ложный ему господин, и даже слабые, если двое. А если в партию сгрудились малые, — сдается, враг замри и ляг! Партия — рука миллионопала, сжатая в один громающий кулак.

Мы счастливы, что есть такая партия у нас, есть она у китайцев, корейцев и вьетнамцев, у болгар и у румын, у чехов и у поляков, у венгров и у албанцев, у немцев и у югославов; есть она у трудящихся и в капиталистических странах. Мы счастливы тем, что опыт нашей партии помогает нашим друзьям строить новую жизнь на своей земле, бороться за такую жизнь.

А что касается писателей, то они и впрямь будут держать равнение на партию, как это они делали все сорок советских лет, но только так и можно слить свои усилия с усилием народа, судьбами которого всегда озбочена партия. И со страниц новых романов, повестей, пьес и поэм в большую, бесполойную, героическую нашу жизнь шагнет новое поколение Чапаевых, Корчагиных, Лавиных, Вершинных и Воропаевых, шагнет для того, чтобы помочь людям разумнее жить, работать, бороться и побеждать.

Нашим недоброжелателям за рубежом, тем, что в чужом глазу увидят соломинку, а в своем не заметят и бревна, следовало бы задуматься над одним весьма существенным обстоятельством: «Как же так? На Западе говорят, что Советской Россией управляют одни бюрократы, и это в то время, когда там огромная, в прошлом неустрашенная, полуустынная земля покрывалась первоклассными заводами, новыми городами и селами, заилась океаном электрического света, там первыми создали атомную электростанцию, межконтинентальную ракету и, наконец, искусственный спутник Земли, который вот уже ровно месяц носится вокруг планеты и не устает от стремительного своего бега? А ведь за первым в головокружительное путешествие вокруг земного шара отправился второй...». Может быть, такие размышления пошли бы на пользу. Когда-то английскому фантасту наши планы казались архаичными сказками. Будь Уэллс жив, как бы он посмеялся, но только уж не над «кремлевским мечтателем», а над самим собой.

Мы понимаем, конечно, что недругов наших не вразумишь никакими доводами. Они упорно будут белое называть черным: во всем, что касается Советского Союза, они хотели бы видеть только плохое. Их не радуют наши успехи. Зато эти успехи радуют нас, наших друзей, которых стало значительно больше — миллионы этак на семью, — людей, которым коммунисты помогли понять, что

плохо человеку, когда он один. Горе одному, один не воняет, — каждый ложный ему господин, и даже слабые, если двое. А если в партию сгрудились малые, — сдается, враг замри и ляг! Партия — рука миллионопала, сжатая в один громающий кулак.

Мы счастливы, что есть такая партия у нас, есть она у китайцев, корейцев и вьетнамцев, у болгар и у румын, у чехов и у поляков, у венгров и у албанцев, у немцев и у югославов; есть она у трудящихся и в капиталистических странах. Мы счастливы тем, что опыт нашей партии помогает нашим друзьям строить новую жизнь на своей земле, бороться за такую жизнь.

А что касается писателей, то они и впрямь будут держать равнение на партию, как это они делали все сорок советских лет, но только так и можно слить свои усилия с усилием народа, судьбами которого всегда озбочена партия. И со страниц новых романов, повестей, пьес и поэм в большую, бесполойную, героическую нашу жизнь шагнет новое поколение Чапаевых, Корчагиных, Лавиных, Вершинных и Воропаевых, шагнет для того, чтобы помочь людям разумнее жить, работать, бороться и побеждать.

Нашим недоброжелателям за рубежом, тем, что в чужом глазу увидят соломинку, а в своем не заметят и бревна, следовало бы задуматься над одним весьма существенным обстоятельством: «Как же так? На Западе говорят, что Советской Россией управляют одни бюрократы, и это в то время, когда там огромная, в прошлом неустрашенная, полуустынная земля покрывалась первоклассными заводами, новыми городами и селами, заилась океаном электрического света, там первыми создали атомную электростанцию, межконтинентальную ракету и, наконец, искусственный спутник Земли, который вот уже ровно месяц носится вокруг планеты и не устает от стремительного своего бега? А ведь за первым в головокружительное путешествие вокруг земного шара отправился второй...». Может быть, такие размышления пошли бы на пользу. Когда-то английскому фантасту наши планы казались архаичными сказками. Будь Уэллс жив, как бы он посмеялся, но только уж не над «кремлевским мечтателем», а над самим собой.

Мы понимаем, конечно, что недругов наших не вразумишь никакими доводами. Они упорно будут белое называть черным: во всем, что касается Советского Союза, они хотели бы видеть только плохое. Их не радуют наши успехи. Зато эти успехи радуют нас, наших друзей, которых стало значительно больше — миллионы этак на семью, — людей, которым коммунисты помогли понять, что

плохо человеку, когда он один. Горе одному, один не воняет, — каждый ложный ему господин, и даже слабые, если двое. А если в партию сгрудились малые, — сдается, враг замри и ляг! Партия — рука миллионопала, сжатая в один громающий кулак.

Мы счастливы, что есть такая партия у нас, есть она у китайцев, корейцев и вьетнамцев, у болгар и у румын, у чехов и у поляков, у венгров и у албанцев, у немцев и у югославов; есть она у трудящихся и в капиталистических странах. Мы счастливы тем, что опыт нашей партии помогает нашим друзьям строить новую жизнь на своей земле, бороться за такую жизнь.

А что касается писателей, то они и впрямь будут держать равнение на партию, как это они делали все сорок советских лет, но только так и можно слить свои усилия с усилием народа, судьбами которого всегда озбочена партия. И со страниц новых романов, повестей, пьес и поэм в большую, бесполойную, героическую нашу жизнь шагнет новое поколение Чапаевых, Корчагиных, Лавиных, Вершинных и Воропаевых, шагнет для того, чтобы помочь людям разумнее жить, работать, бороться и побеждать.

Нашим недоброжелателям за рубежом, тем, что в чужом глазу увидят соломинку, а в своем не заметят и бревна, следовало бы задуматься над одним весьма существенным обстоятельством: «Как же так? На Западе говорят, что Советской Россией управляют одни бюрократы, и это в то время, когда там огромная, в прошлом неустрашенная, полуустынная земля покрывалась первоклассными заводами, новыми городами и селами, заилась океаном электрического света, там первыми создали атомную электростанцию, межконтинентальную ракету и, наконец, искусственный спутник Земли, который вот уже ровно месяц носится вокруг планеты и не устает от стремительного своего бега? А ведь за первым в головокружительное путешествие вокруг земного шара отправился второй...». Может быть, такие размышления пошли бы на пользу. Когда-то английскому фантасту наши планы казались архаичными сказками. Будь Уэллс жив, как бы он посмеялся, но только уж не над «кремлевским мечтателем», а над самим собой.

Мы понимаем, конечно, что недругов наших не вразумишь никакими доводами. Они упорно будут белое называть черным: во всем, что касается Советского Союза, они хотели бы видеть только плохое. Их не радуют наши успехи. Зато эти успехи радуют нас, наших друзей, которых стало значительно больше — миллионы этак на семью, — людей, которым коммунисты помогли понять, что

НАМ СОРОК ЛЕТ

КОГДА говорится — поэзия, литература, в нашем представлении возникает особый мир. Он наполнен красками, голосами, ароматами полей и гор. Он шумит, как города, нежен, как лесные тени. В нем как бы сразу заключены все искусства: живопись и музыка — с гаммами цвета и звука, зодчество, валяние — с гармонией пропорций, с игрой объемов.

Все это соседствует в литературе со множеством областей человеческой деятельности, с наукой, техникой, все пронизано отзвуками социальных, политических, философских учений — все касается, занимает и увлекает писателя.

Но это только инструментальная литература, ее неисчисляемые средства, с помощью которых возводятся ее здания.

Ради чего оно возводится? Сознание, чувства, воля человека — вот истинный предмет поэзии, ее действительная тема, насыщающая здание искусства.

И здесь полным голосом можно говорить о новаторском содержании советской художественной литературы.

Человек нового сознания, новых чувств, новой воли явился к жизни с победой Великой Октябрьской социалистической революции. В дни торжественно празднуемых годовщины Октября, сравнивая наше прошлое с тем, что уже достигнуто за последние десятилетия и что открывается нам впереди, мы особенно ясно видим, насколько изменился у нас внутренний мир человека.

Если бы меня спросили, что именно можно назвать главным достоянием сознания в советском обществе, я сказал бы — главное в том, что нашему сознанию больше, чем где-либо на земле, свойственна слянность понятий «я» и «мы».

Когда мы говорим: «наша индустрия» — это означает не только то, что индустрия у нас принадлежит «нам», но одновременно то, что она принадлежит и к я и к о м у из нас и в том числе «име». Это стало не только общепонятно, это стало у нас естественно.

Разумеется, англичанин, француз тоже говорят о своей индустрии — «наша». Но это понятие у них номинально. Оно означает для них единственно то, что речь идет об английской, французской индустрии в отличие от всех прочих. Так до революции мы тоже говорили, например, о «нашей» нефти, подразумевая русскую нефть, хотя тогда она принадлежала вовсе не «нам» и уж никак не каждому из нас, а чуть ли не исключительно «бр. Нобель» и им подобным.

Мы теперь говорим о недрах нашей земли, о наших лесах, морях, хлебных нивах, о нашей технике, нашем образовании, глубоко сознавая, что мы справедливо и полновластно — их хозяева, что они не могут принадлежать никому в отдельности, а принадлежат нам, а стало быть, каждому из нас. И, наоборот, сознание наше и все чувства наши, вся воля решительно протыкается тому, чтобы в здравом и справедливом обществе недра земли или иные народные богатства принадлежали одному Нобелю, пусть даже с его «братьями».

Революция наша была политической, социальной, и она была интеллектуальной, духовной. Она продолжает оставаться такой. Внутренняя жизнь человека, его психика перерабатывается, оздоравливается от болезней, уродств прошлого. Она воспитывается на опыте титанического строительства социализма, на преодолении препятствий, помех, которые нам встречаются, на смелом исправлении ошибок, возникающих по дороге пионеров нового мира.

Бурная, возмущенная, иногда полная тяжелых испытаний жизнь этого мира должна была преобразить сознание, поднять чувства, закалить волю человека.

Человек стал новым.

Одним из самых ярких достижений советского строя является создание интеллигенции, выделенной народными массами. Наши противники в западном мире теперь уже перестают оспаривать наличие у нас научной и технической интеллигенции весьма сильных достоинств. Тем яростнее отрицают или прогрессивное значение интеллигенции «гуманитарной». В области физики и астрономии Запад принужден вести с советской наукой серьезное состязание. Что же до философии и наук социальных, то западные ученые продолжают строить свои доктрины на лезьях, сооруженных еще до Маркса.

Они, видимо, полагают, что некуда торопиться, и ждут, когда их перучит западная действительность. Рано или поздно это случится.

Советская художественная литература, создаваемая народной интеллигенцией, стала историческим зеркалом нового мира.

Октябрь поставил перед народом задачу переустройства отношений между личностью и обществом. «Я» есть часть целого, перед которым я должен выполнить обязанности — в труде, в семье, в государстве. «Мы» суть целое, и целое исполняет общественный, государственный долг перед каждым «я» — дает максимум возможного для личности в семье, школе, на работе, в годы молодости и под старость.

Тончайшие разветвления этой сложной и нераздельной связи личности и общества в социалистическую эпоху сделались основным содержанием нашей литературы. Предмет нов, как все новое в нашем мире.

Литература совершила много доброго на советской земле для своего читателя, но ей предстоит совершить гораздо больше, и она выполнит это, потому что, так же, как всему советскому народу, его писателям Октябрьская революция дала неизмеримо много сил и вдохновения.

Самым старшим нашим писателям сейчас всего сорок лет, потому что все мы рождены Октябрем, это — пора зрелости и расцвета талантов.

Леонид МАРТИНОВ

ВАС НЕ БЫЛО ЕЩЕ...

Вы Видели ее, Когда она настала? Она взошла свое. Свергала с пьедестала Всех, кто пытался влезть Низвергнутым на смену. Прыть, краснобайство. Все потеряло цену.

На пыльной мостовой С охватившей ливней Керенок прах мешала. По своему рещала. Сорвала шелухой Подсолнухов лущеных; Казались чепухой Соменья ученых; Казались пустяком

И саботаж, и фронда В сравнении с мужиком, Упорно прущим с фронта. И были ерундой Европы переуды В сравнении с людью Оборванного жуда.

Шла осень горячо. Шли голы. Страшен гнев их. Вас не было еще И в материнских чревах, Когда дрались отцы И кровь из ран хлестала. Вас не было, юнцы, Когда она настала — На горе меньшинству И большинству на счастье, Настала наяву, Чтоб стать Советской властью.

ПРАЗДНИК

Я слышу — Вы слышите будни, Прекрасные, ясные будни, Но Пусть буду я безрасуден, А слышать не стану я буден.

Ведь, все-таки, жизнь моя Праздник! Хоть грозный, а все-таки, праздник.

Я буду не узник, не ям я союзник, А жизнь моя — праздник.

Всегда он в заботе, Всегда он в работе, А все-таки — праздник. Да, именно праздник! Всегда неспокойный, Сегодня он знойный, А завтра — морозный, А все-таки — праздник, Великий и грозный!

Как порадовался бы сегодня Ильич!

ПРЕДПРАЗДНИЧНЫЕ дни на Куйбышевской ГЭС были ознаменованы необычайным трудовым подъемом. Последние по счету мощные турбины вводились в строй такими темпами, каких не знала до сих пор практика гидростроительства. В октябре поднялись и оживили новые гигантские агрегаты, каждый высотой в семизатный дом.

Мощные потоки электроэнергии идут по линии высоковольтных передач. По одной лишь линии Куйбышев—Москва в Центральный промышленный район передается более одного миллиона киловатт мощности.

В связи с пуском всех куйбышевских гидротурбин горячие дни сейчас у строителей и монтажников на линии электропередач Куйбышевская ГЭС—Урал. Строители и монтажники борются за то, чтобы к 7 ноября вся линия электропередач от Куйбышевской ГЭС до Бугульмы была закончена.

Крупнейшая в мире гидростанция построена. Коллектив «Куйбышевгидростроя» с гордостью отмечает, что

обещал, вступаю в соревнование в честь сорокалетия Советской власти. Успешно работают все 20 агрегатов гигантской гидроэлектростанции. Их мощность достигла проектной и составляет теперь 2 100 000 киловатт.

Семилетняя эпопея на Волге завершена! Вся страна приветствует строителей Куйбышевской ГЭС и поздравляет их с большой победой. В адрес управления и паркома «Куйбышевгидростроя» почта и телеграф приносят множество поздравлений со всех концов страны. Волнующие слова адресовал гидростроителям ветеран советской энергетики академик Г. М. Гржижаковский.

«Если в грозные послеоктябрьские 1919—1920 годы, в предверии работ по плану ГОЭЛРО, — пишет он в своем поздравлении гидростроителям, — Ленин думал о предстоящих работах на русских реках. В 1919 году Владимир Ильич неоднократно говорил со мной о возможности энергетического использования великой русской реки Волги. Как порадовался бы сегодня Ильич огням Куйбышевской ГЭС!».

КУЙБЫШЕВ (Наш соб. корр.)

СПУТНИК № 2

Е. К. ФЕДОРОВ, член-корреспондент Академии наук СССР, Герой Советского Союза

МЕСЯЦ НАЗАД в Советском Союзе был запущен первый в мире искусственный спутник Земли. Совершив сотни полетов вокруг земного шара, спутник № 1 выполнил большую работу, имеющую исключительное значение для науки.

Весь мир внимательно следил за полетами первого спутника. Видные деятели зарубежной науки, крупные общественные деятели капиталистических стран, известные обозреватели вынуждены были признать неоспоримые, выдающиеся успехи советской науки и техники. Влияние искусственно созданного небесного тела на сознание миллионов и миллионов людей оказалось настолько серьезным, что в Америке посылались раздраженные призывы «запретить» спутник и даже... сбить его с помощью зенитных ракет.

За рубежом сделано немало попыток запустить искусственный спутник. Однако первенство в изучении космоса принадлежит советским ученым, рабочим, конструкторам, инженерам.

Прошло всего 29 дней с момента запуска спутника № 1, и 3 ноября, в канун всенародного праздника, в Советском Союзе запущен искусственный спутник № 2.

Запуск его произведен в соответствии с планом советских исследований, проводимых по программе Международного геофизического года.

Основная цель запуска искусственного спутника № 2 состоит в исследовании физических явлений, протекающих в самых верхних слоях земной атмосферы, а также в изучении условий полета в космическом пространстве.

Увеличение веса и размеров второго спутника, необходимое для того, чтобы разместить в нем множество разнообразных приборов и приспособлений, оказалось возможным в результате замечательных успехов в решении научных и технических проблем реактивного движения, достигнутых в нашей стране.

Новый спутник представляет собой оконечную ступень ракеты, которая получила так называемую первую космическую скорость и вышла на замкнутую орбиту, опоясывающую земной шар.

На ракете размещен большой контейнер с различными приборами, оборудованием, подопытным животным — собакой и источниками энергии. Общий вес измерительной и вспомогательной аппаратуры, включая контейнер с подопытным животным, составляет 508,3 кг. Таким образом, сейчас на границе атмосферы и космического пространства на высоте до 1 700 км движется со скоростью около 8 километров в секунду автоматическая лаборатория, выполняющая широкую программу научных измерений.

Большой интерес представляют производимые на спутнике исследования коротковолновой ультрафиолетовой и рентгеновской части солнечного спектра. Земная атмосфера, подобно фильтру, пропускает через себя лишь незначительную по своему спектральному составу часть солнечной радиации. Коротковолновое ультрафиолетовое и рентгеновское излучение Солнца никогда не достигает земной поверхности. Это важное свойство земной атмосферы чрезвычайно полезно для всех живых организмов, так как защищает их от губительного действия космических излучений. Однако, с другой стороны, такое свойство препятствует исследованию солнечного излучения. Между тем тщательное исследование солнечной радиации — основное источника жизни на Земле — имеет весьма большое значение для науки. Изучать же солнечную радиацию без помех можно только за пределами земной атмосферы. Некоторые измерения коротковолновой части солнечного спектра, выполненные на высотных ракетах в СССР и в других странах, дали ценный, но несколько ограниченный материал, так как пребывание ракет на нужной высоте длится немногие мгновения. Второй советский спутник Земли впервые предоставляет широкую возможность для обстоятельного изучения ультрафиолетовой и рентгеновской части солнечного спектра без помех со стороны земной атмосферы. Несомненно, что геофизики и астрофизики всех стран будут с нетерпением ожидать результатов этих измерений.

В аналогичном положении находится исследование космических лучей. Космические лучи — это мельчайшие частицы — атомы, атомные ядра различных элементов, блуждающих в мировом пространстве.

Разогнанные до огромных скоростей в космических силовых полях, они с большой энергией вторгаются в земную атмосферу. Наблюдая действие космических лучей на поверхности Земли — на дне воздушного океана, мы лишь с большим приближением можем судить о том, что они представляют собой в действительности.

Изучение природы первичных космических лучей позволяет определить состав вещества — доли различных элементов — в нашей Вселенной, а также высчитать ряд закономерностей взаимодействия ядерных частиц, обладающих очень высокими энергиями. Последнее имеет существенное значение для ядерной физики.

Весьма важные результаты будут получены в итоге изучения траекторий второго и первого спутников. Тщательное измерение скоростей позволяет оценить эффект торможения спутников, который все же будет наблюдаться, а отсюда — рассчитать плотность воздуха (концентрацию молекул) у границы атмосферы и оценить соответствующее ей ничтожное давление.

Изучение траекторий позволяет также получить важные сведения об особенностях поля тяготения Земли, которые зависят от распределения масс вещества внутри нашей планеты и от ее формы.

Большой интерес представляют измерения температуры и давления. Так, например, она позволяет определить характер обмена тепловой энергией между спутником и окружающей средой — нагревание и охлаждение спутника в различных частях его орбиты и т. д.

Учет распространения радиоволн, изучаемых двумя радиопередатчиками, установленными на втором спутнике, так же как и на первом, позволит определить некоторые свойства ионосферы, в особенности ее высоких слоев, параметры которых очень трудно исследовать, посылая зондирующие радиоволны с земной поверхности.

Таков краткий перечень исследований геофизического характера, выполняемых посредством новой чудесной машины, созданной советскими людьми.

Особое значение имеет исследование жизнедеятельности подопытного животного — собаки — первого космического пассажира спутника. Всем понятно, что, прежде чем будет предпринят полет человека в космическое пространство, необходимо тщательно проверить, как повлияют на живой организм условия космического полета. Как, например, скажется воздействие космических лучей и других видов лучистой энергии, свойственных межпланетному пространству, и состояние невесомости.

Известно, что опыты по подъему собак на ракетах на большую высоту — 100—200 километров — не раз уже проводились в нашей стране. Собаки благополучно поднимались в специальную камеру, размещенную в головной части ракеты, и затем спускались на парашюте вместе с камерой или в легком защитном скафандре.

Спуск четвероногих парашютистов с большой высоты в одних случаях был постепенным и продолжался около часа, в других — представлял гигантский затяжной прыжок. Исследования показали, что в результате полета и прыжка организм собак не испытывал каких-либо специфически вредных воздействий. Серия таких опытов позволила получить чрезвычайно ценный материал.

Однако время пребывания собаки на большой высоте было весьма небольшим, а пребывание животного в невесомом состоянии — очень кратким.

Сейчас живой организм впервые оказался в условиях, полностью соответствующих условиям межпланетного полета. Как он будет на них реагировать? На этот вопрос ответят показания многочисленных приборов, отмечающих состояние животного.

Следует иметь в виду, что собака, отправленная в полет на спутнике, прошла большую предварительную тренировку. Тренировки проводились в условиях, приближающихся к тем, в которых находится сейчас собака Лайка. Она причула запах в тесной камере, привыкала к многочисленным приборам, отмечающим ее состояние. Поэтому на ее поведение не должна влиять вся необычность обстановки, в которой Лайка совершает космический полет со скоростью почти 29 000 километров в час.

В наше время, когда проблема межпланетных сообщений благодаря успехам советской науки и техники стала вполне реальной и близкой, понятие огромное значение этого замечательного эксперимента.

Чтобы действовали многочисленные сложные приборы, обеспечивающие жизнь подопытного животного и фиксирующие его состояние, на спутнике имеется много различной вспомогательной аппаратуры. Такая аппаратура необходима для сохранения нужного состава воздуха, надлежащей температуры, для кормления пассажира спутника. Очень важную роль играет аппаратура, передающая показания различных приборов на Землю, а также источники электрической энергии.

Комплекс сложных, автоматических действующих приборов и приспособлений, находящихся на спутнике, служит новым свидетельством высокого уровня советской научной и технической мысли. Нужно сказать, что за время, истекшее с момента запуска спутника № 2, вся аппаратура на нем работает нормально.

Советские ученые, участвующие в весьма широком исследовании нашей планеты по программе Международного геофизического года, точно так же, как и огромное большинство наших зарубежных коллег, с гордостью следят за достижениями человеческого разума и труда — новым искусственным спутником Земли и испытывают чувство горчайшей благодарности к его создателям. Весь мир видит, что огромная техническая и научная мощь нашей страны, научный и технический гений советских людей обращены на мирные дела — на успешное развитие самых больших и трудных проблем, стоящих перед всем человечеством.

Наши друзья в странах социализма и миллионах людей в капиталистических странах отлично знают, что запуск второго искусственного спутника является выражением успехов Советского Союза в области промышленности, науки, техники, культуры. Запуск двух спутников стал возможен только в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, свергнувшей 40 лет назад капитализм в нашей стране.

Пробужденный Коммунистической партией, творческий гений народа осуществляет самые сокровенные мечты человечества.

Запуск двух спутников Земли, созданных в Советском Союзе, еще раз подтверждает превосходство социалистической системы, означает победу всего нашего народа, руководимого славной Коммунистической партией Советского Союза.

С радостью встретят его поляричики. Вертолет сможет также выполнять самую разнообразную работу: слушать подьемным краем, укладывать железнодорожные полотна, мосты и линии нефтепроводов в труднодоступных местностях и т. д.

За последние время со страниц газет и журналов не сходят статьи и сообщения о советском реактивном пассажирском лайнере — «ТУ-104». А на днях на летные испытания вышел «ТУ-114» — крупнейший в мире скоростной турбовинтовой пассажирский самолет. Его создатель, руководитель коллектива разработчиков коллективного под руководством главного конструктора Павла Александровича Громова. Оба двигателя через систему турбин и редукторов передают свою мощность пятилопастному воздушному винту.

«МИ-6» хорошо послужит нашему народному хозяйству. Такая машина намного открыты начало разработок вновь открытых месторождений, доставлять туда одновременно рабочих, тяжелые

бурильные станки и вездеходы. С радостью встретят его поляричики. Вертолет сможет также выполнять самую разнообразную работу: слушать подьемным краем, укладывать железнодорожные полотна, мосты и линии нефтепроводов в труднодоступных местностях и т. д.

За последние время со страниц газет и журналов не сходят статьи и сообщения о советском реактивном пассажирском лайнере — «ТУ-104». А на днях на летные испытания вышел «ТУ-114» — крупнейший в мире скоростной турбовинтовой пассажирский самолет. Его создатель, руководитель коллектива разработчиков коллективного под руководством главного конструктора Павла Александровича Громова. Оба двигателя через систему турбин и редукторов передают свою мощность пятилопастному воздушному винту.

«МИ-6» хорошо послужит нашему народному хозяйству. Такая машина намного открыты начало разработок вновь открытых месторождений, доставлять туда одновременно рабочих, тяжелые

бурильные станки и вездеходы. С радостью встретят его поляричики. Вертолет сможет также выполнять самую разнообразную работу: слушать подьемным краем, укладывать железнодорожные полотна, мосты и линии нефтепроводов в труднодоступных местностях и т. д.

За последние время со страниц газет и журналов не сходят статьи и сообщения о советском реактивном пассажирском лайнере — «ТУ-104». А на днях на летные испытания вышел «ТУ-114» — крупнейший в мире скоростной турбовинтовой пассажирский самолет. Его создатель, руководитель коллектива разработчиков коллективного под руководством главного конструктора Павла Александровича Громова. Оба двигателя через систему турбин и редукторов передают свою мощность пятилопастному воздушному винту.

«МИ-6» хорошо послужит нашему народному хозяйству. Такая машина намного открыты начало разработок вновь открытых месторождений, доставлять туда одновременно рабочих, тяжелые

бурильные станки и вездеходы. С радостью встретят его поляричики. Вертолет сможет также выполнять самую разнообразную работу: слушать подьемным краем, укладывать железнодорожные полотна, мосты и линии нефтепроводов в труднодоступных местностях и т. д.

За последние время со страниц газет и журналов не сходят статьи и сообщения о советском реактивном пассажирском лайнере — «ТУ-104». А на днях на летные испытания вышел «ТУ-114» — крупнейший в мире скоростной турбовинтовой пассажирский самолет. Его создатель, руководитель коллектива разработчиков коллективного под руководством главного конструктора Павла Александровича Громова. Оба двигателя через систему турбин и редукторов передают свою мощность пятилопастному воздушному винту.

«МИ-6» хорошо послужит нашему народному хозяйству. Такая машина намного открыты начало разработок вновь открытых месторождений, доставлять туда одновременно рабочих, тяжелые

бурильные станки и вездеходы. С радостью встретят его поляричики. Вертолет сможет также выполнять самую разнообразную работу: слушать подьемным краем, укладывать железнодорожные полотна, мосты и линии нефтепроводов в труднодоступных местностях и т. д.

За последние время со страниц газет и журналов не сходят статьи и сообщения о советском реактивном пассажирском лайнере — «ТУ-104». А на днях на летные испытания вышел «ТУ-114» — крупнейший в мире скоростной турбовинтовой пассажирский самолет. Его создатель, руководитель коллектива разработчиков коллективного под руководством главного конструктора Павла Александровича Громова. Оба двигателя через систему турбин и редукторов передают свою мощность пятилопастному воздушному винту.

«МИ-6» хорошо послужит нашему народному хозяйству. Такая машина намного открыты начало разработок вновь открытых месторождений, доставлять туда одновременно рабочих, тяжелые

бурильные станки и вездеходы. С радостью встретят его поляричики. Вертолет сможет также выполнять самую разнообразную работу: слушать подьемным краем, укладывать железнодорожные полотна, мосты и линии нефтепроводов в труднодоступных местностях и т. д.

За последние время со страниц газет и журналов не сходят статьи и сообщения о советском реактивном пассажирском лайнере — «ТУ-104». А на днях на летные испытания вышел «ТУ-114» — крупнейший в мире скоростной турбовинтовой пассажирский самолет. Его создатель, руководитель коллектива разработчиков коллективного под руководством главного конструктора Павла Александровича Громова. Оба двигателя через систему турбин и редукторов передают свою мощность пятилопастному воздушному винту.

«МИ-6» хорошо послужит нашему народному хозяйству. Такая машина намного открыты начало разработок вновь открытых месторождений, доставлять туда одновременно рабочих, тяжелые

бурильные станки и вездеходы. С радостью встретят его поляричики. Вертолет сможет также выполнять самую разнообразную работу: слушать подьемным краем, укладывать железнодорожные полотна, мосты и линии нефтепроводов в труднодоступных местностях и т. д.

За последние время со страниц газет и журналов не сходят статьи и сообщения о советском реактивном пассажирском лайнере — «ТУ-104». А на днях на летные испытания вышел «ТУ-114» — крупнейший в мире скоростной турбовинтовой пассажирский самолет. Его создатель, руководитель коллектива разработчиков коллективного под руководством главного конструктора Павла Александровича Громова. Оба двигателя через систему турбин и редукторов передают свою мощность пятилопастному воздушному винту.

«МИ-6» хорошо послужит нашему народному хозяйству. Такая машина намного открыты начало разработок вновь открытых месторождений, доставлять туда одновременно рабочих, тяжелые

бурильные станки и вездеходы. С радостью встретят его поляричики. Вертолет сможет также выполнять самую разнообразную работу: слушать подьемным краем, укладывать железнодорожные полотна, мосты и линии нефтепроводов в труднодоступных местностях и т. д.

За последние время со страниц газет и журналов не сходят статьи и сообщения о советском реактивном пассажирском лайнере — «ТУ-104». А на днях на летные испытания вышел «ТУ-114» — крупнейший в мире скоростной турбовинтовой пассажирский самолет. Его создатель, руководитель коллектива разработчиков коллективного под руководством главного конструктора Павла Александровича Громова. Оба двигателя через систему турбин и редукторов передают свою мощность пятилопастному воздушному винту.

«МИ-6» хорошо послужит нашему народному хозяйству. Такая машина намного открыты начало разработок вновь открытых месторождений, доставлять туда одновременно рабочих, тяжелые

бурильные станки и вездеходы. С радостью встретят его поляричики. Вертолет сможет также выполнять самую разнообразную работу: слушать подьемным краем, укладывать железнодорожные полотна, мосты и линии нефтепроводов в труднодоступных местностях и т. д.

За последние время со страниц газет и журналов не сходят статьи и сообщения о советском реактивном пассажирском лайнере — «ТУ-104». А на днях на летные испытания вышел «ТУ-114» — крупнейший в мире скоростной турбовинтовой пассажирский самолет. Его создатель, руководитель коллектива разработчиков коллективного под руководством главного конструктора Павла Александровича Громова. Оба двигателя через систему турбин и редукторов передают свою мощность пятилопастному воздушному винту.

«МИ-6» хорошо послужит нашему народному хозяйству. Такая машина намного открыты начало разработок вновь открытых месторождений, доставлять туда одновременно рабочих, тяжелые

Однако время пребывания собаки на большой высоте было весьма небольшим, а пребывание животного в невесомом состоянии — очень кратким.

Сейчас живой организм впервые оказался в условиях, полностью соответствующих условиям межпланетного полета. Как он будет на них реагировать? На этот вопрос ответят показания многочисленных приборов, отмечающих состояние животного.

Следует иметь в виду, что собака, отправленная в полет на спутнике, прошла большую предварительную тренировку. Тренировки проводились в условиях, приближающихся к тем, в которых находится сейчас собака Лайка. Она причула запах в тесной камере, привыкала к многочисленным приборам, отмечающим ее состояние. Поэтому на ее поведение не должна влиять вся необычность обстановки, в которой Лайка совершает космический полет со скоростью почти 29 000 километров в час.

В наше время, когда проблема межпланетных сообщений благодаря успехам советской науки и техники стала вполне реальной и близкой, понятие огромное значение этого замечательного эксперимента.

Чтобы действовали многочисленные сложные приборы, обеспечивающие жизнь подопытного животного и фиксирующие его состояние, на спутнике имеется много различной вспомогательной аппаратуры. Такая аппаратура необходима для сохранения нужного состава воздуха, надлежащей температуры, для кормления пассажира спутника. Очень важную роль играет аппаратура, передающая показания различных приборов на Землю, а также источники электрической энергии.

Комплекс сложных, автоматических действующих приборов и приспособлений, находящихся на спутнике, служит новым свидетельством высокого уровня советской научной и технической мысли. Нужно сказать, что за время, истекшее с момента запуска спутника № 2, вся аппаратура на нем работает нормально.

Советские ученые, участвующие в весьма широком исследовании нашей планеты по программе Международного геофизического года, точно так же, как и огромное большинство наших зарубежных коллег, с гордостью следят за достижениями человеческого разума и труда — новым искусственным спутником Земли и испытывают чувство горчайшей благодарности к его создателям. Весь мир видит, что огромная техническая и научная мощь нашей страны, научный и технический гений советских людей обращены на мирные дела — на успешное развитие самых больших и трудных проблем, стоящих перед всем человечеством.

Наши друзья в странах социализма и миллионах людей в капиталистических странах отлично знают, что запуск второго искусственного спутника является выражением успехов Советского Союза в области промышленности, науки, техники, культуры. Запуск двух спутников стал возможен только в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, свергнувшей 40 лет назад капитализм в нашей стране.

Пробужденный Коммунистической партией, творческий гений народа осуществляет самые сокровенные мечты человечества.

Запуск двух спутников Земли, созданных в Советском Союзе, еще раз подтверждает превосходство социалистической системы, означает победу всего нашего народа, руководимого славной Коммунистической партией Советского Союза.

С радостью встретят его поляричики. Вертолет сможет также выполнять самую разнообразную работу: слушать подьемным краем, укладывать железнодорожные полотна, мосты и линии нефтепроводов в труднодоступных местностях и т. д.

За последние время со страниц газет и журналов не сходят статьи и сообщения о советском реактивном пассажирском лайнере — «ТУ-104». А на днях на летные испытания вышел «ТУ-114» — крупнейший в мире скоростной турбовинтовой пассажирский самолет. Его создатель, руководитель коллектива разработчиков коллективного под руководством главного конструктора Павла Александровича Громова. Оба двигателя через систему турбин и редукторов передают свою мощность пятилопастному воздушному винту.

«МИ-6» хорошо послужит нашему народному хозяйству. Такая машина намного открыты начало разработок вновь открытых месторождений, доставлять туда одновременно рабочих, тяжелые

бурильные станки и вездеходы. С радостью встретят его поляричики. Вертолет сможет также выполнять самую разнообразную работу: слушать подьемным краем, укладывать железнодорожные полотна, мосты и линии нефтепроводов в труднодоступных местностях и т. д.

За последние время со страниц газет и журналов не сходят статьи и сообщения о советском реактивном пассажирском лайнере — «ТУ-104». А на днях на летные испытания вышел «ТУ-114» — крупнейший в мире скоростной турбовинтовой пассажирский самолет. Его создатель, руководитель коллектива разработчиков коллективного под руководством главного конструктора Павла Александровича Громова. Оба двигателя через систему турбин и редукторов передают свою мощность пятилопастному воздушному винту.

«МИ-6» хорошо послужит нашему народному хозяйству. Такая машина намного открыты начало разработок вновь открытых месторождений, доставлять туда одновременно рабочих, тяжелые

бурильные станки и вездеходы. С радостью встретят его поляричики. Вертолет сможет также выполнять самую разнообразную работу: слушать подьемным краем, укладывать железнодорожные полотна, мосты и линии нефтепроводов в труднодоступных местностях и т. д.

За последние время со страниц газет и журналов не сходят статьи и сообщения о советском реактивном пассажирском лайнере — «ТУ-104». А на днях на летные испытания вышел «ТУ-114» — крупнейший в мире скоростной турбовинтовой пассажирский самолет. Его создатель, руководитель коллектива разработчиков коллективного под руководством главного конструктора Павла Александровича Громова. Оба двигателя через систему турбин и редукторов передают свою мощность пятилопастному воздушному винту.

«МИ-6» хорошо послужит нашему народному хозяйству. Такая машина намного открыты начало разработок вновь открытых месторождений, доставлять туда одновременно рабочих, тяжелые

бурильные станки и вездеходы. С радостью встретят его поляричики. Вертолет сможет также выполнять самую разнообразную работу: слушать подьемным краем, укладывать железнодорожные полотна, мосты и линии нефтепроводов в труднодоступных местностях и т. д.

За последние время со страниц газет и журналов не сходят статьи

Мих. СОКОЛОВ

РОССИЯ! Самая большая, самая богатая земля в мире. Веками складывали ее наши предки, веками тянули лямку судьбы, возводя города и села, дворцы и заводы, рудники и парки, а поразившись по-человечески было некогда. Нужда гнула в три погубе. И человек с годами терял запас радостных слов, и горе съездало его жизнь, как жваччина.

Россия кормила Европу, но сама была нищая. Лишь начиналась весна и первой зеленью покрывались бугры и степи, как на юг — на Кубань, на Дон и в Донбасс — валом валили со всех концов рабочие люди. Были тут воронежские, колдовские, орловские и тамбовские, курские и рязанские, и даже пензенские, и даже вятские. Ехали в одиночку, ехали семьями, с малыми детьми на руках, со стариками-родителями, с шестирью скарбом в сумочках и ящиках. Ехали селами — артелями, со всем инструментом: пилами, топорами, кирками, повозками-грабками, даже с колодами, — чтобы поить лошадей.

То было великое ковчеге тысяч трудовых людей из центральных губерний России — пахарей и колосарей, плотников и штукатуров, резчиков по дереву, каменщиков, землеплов — нет числа тем профессиям. В горах эти люди строили дома, на рудниках лезли в забой, на заводах были котлованы и шли на самую черную работу. Они все умели, ни от чего не отказывались, лишь бы было где приложить руки.

Порой казалась: вся Россия едет, все села перековывают с ролных мест, тонкими надежды добыть хоть какой кусок хлеба детшикам и старикам-родителям, да не каждого судьба баловала тем куском, не каждому раскрывала свои скупые объятия.

Я видел этих людей на старых шахтах Парамонова и Шупшавова: в казармах с двухэтажными голыми нарами, с печной-камельком посередине, над которой в крыше выносились дыра — дымоход — вместо трубы.

Я видел этих людей возле завода Пастухова — сухих, как жерди, в порывавшей от ветра комотанной одежде, подпоясанных веревками, в шляпах, измученных и небритых. Они сжиливали у заводских ворот и у котлов от утра до вечера, осаждали мастеров просьбами о работе и были готовы хоть в черту на лево, лишь бы «зацепиться за дело», лишь бы получить трехдневный на третишнюю похлебку. Но не всем улыбалось счастье...

А лишь кончалось лето и начинали золотиться и загораться багрянцем деревья, — все это человеческое море полугологого люда растеклось по бескрайним путям-дорогам российским в обратном порядке и исчезало где-то в центральных губерниях страны, дожидаясь, пока начнется новое цветение жизни, новая весна.

Так было из года в год, из поколения в поколение. Горе не знало пощады и выкуривало из родных мест отарого и малого...

Быть может, именно эти кочующие, обобщенные судьбой-мачехой люди, евшие лух с квасом и квас с луком, ходившие кто в чем, не имевшие дорожной бритвы, чтобы ухватывать за бородой, — быть может, эти человеческие жизни безбольные и вызывали у иностранцев фантазеров образ русского человека, как некоего борозатого существа, сродни лешему, в аршинных лаптях из лыка или веревки, а то и просто босого. Это было, так сказать, российская экзотика, и простак верил, что именно таков русский человек...

...Я начал с рассказа о кочующих горемниках из центральных губерний России не только потому, что вспоминаю тяжкое прошлое нашей Родины. Мне захотелось сказать о другом. Надо было иметь каменный, если не железный характер, чтобы так жить, как жил русский человек, как жили его братья по судьбе. И надо было, жавя так, уметь пройти сквозь голод и холод, пропаяв святую любовь в отчужде и некаявля к ее прагам до конца, через все испытания судьбы и, со-

где таблички, указывающие, кому принадлежит земля, а на дне одного оврага — человек, сбрасывающий с телеги землю. Человек откудато ее привез в этот, видимо, «ничейный» овраг и вот хлопчет, чтобы было где что-то посеять. На том участке влору бы поместиться обыкновенной хате...

Или вот другая картинка в Европе: длинные и узкие, как штанина, полоски рыжей земли, ложущая на плугом, который тянет женщина, следом за женщиной — мальчуган с хворостинкой, а впереди всех мужчина: он мерно шагал и сидел вручную из лужокка, видимо, озимь. Все — руками, при помощи лошадики.

А вот мы дома, едем по асфальтовой магистрали. Вдаль плут и постреливают синеватым дымком гусеничные и колесные тракторы, волокут трех- и четырехкорпусные плуги, а за теми плугами тянется и вращается, как живая, и блестит на солнце, словно отполированная, бесконечная полоса черной жирной земли. Откуда она тянется и где кончается — не видать. А через несколько минут на встречу нам поплыли и закружились, как в хороводе, и поили до самого горизонта зеленые массивы озимь, именно — массивы, потому что никак невозможно определить, сколько тут: сто, двести или больше тысяч гектаров. А степь раскинулась до самого солнца и скрылась где-то в дымке пахучего степного воздуха.

Ни межречья канав, ни полог, ни дождатых заборов. Хоть шаром кати на десятки километров! Впрочем, пологос есть — тронутые первой позолотой осени лесные пологос, возле которых уютно и щебечут тучи птиц, готовящихся к отлету в дальние края.

Попробуйте все это сравнить! Мы пробовали, но «не сравнивается», честное слово! Иные масштабы стали у России, иные дали раскинулись перед ней, другие горизонты засветились вдали. О какой же это чудесная новость! Ведь во Вселенную полетел, «обжилась» там и ходит, ходит вокруг нашей планеты, «разговаривая» со всеми столицами мира, со всеми жителями планеты, уже второй искусственный спутник Земли, сделанный руками советских людей.

Сказать, что сделать такое могут лишь фантастически дерзкие люди, — этого мало. Сделать такое — это значит иметь первостатейную науку, самых образованных инженеров, самую совершенную технологическую производствва, великолепную механику точнейших приборов, и конечно же, в первую очередь надо иметь поистине золотые руки, чтобы слезать такой спутник, такую ракету.

Вот это и есть сорок лет Советов! Вот это и есть новая Россия! Иностранцы журналисты ите-ресуются: что же будет в таком случае через новые сорок лет? Им лучше бы спросить о себе: чего не будет через новые сорок лет, и они без особого труда могли бы предсказать: не будет тех, кто мешают людям жить и дwigать человечество вперед по пути прогресса, не оглядываясь, — нет ли на горизонте новой Хиросимы, новых ужасов смерти и разрушения.

Мы привыкли к своим новшествам и воспринимаем их, как должное. Больше того: мы заранее знаем, когда будут эти новшества, какими они будут и какими будет все вокруг нас, знаем это из планов пятилеток, из замыслов партии и народа. И советские люди, радуясь появлению новой электростанции, завода или шахты, неизменно хотят, чтобы завтра этих заводов было еще больше и еще лучших, и шахт, и колхозов. И всякий гол намекает новые и новые планы, от которых, действительно, лух захватывает.

НЕ ТАК ДАВНО с одним из ученых были мы в Италии. Ранним утром ехали из Неаполя в Рим и вот увидели: проводные ограды вокруг виноградников, длинные, узкие полоски земли, распаханные на весну, кое-

Иван ШАМОВ
В ЭТУ ШТОРМОВУЮ НОЧЬ...

Мрачнела Зимнего громада
Над черной невскою водой.
В составе флотского отряда
Бежал парнишка молодой.

Оплот царя и капитала —
Дворец вьдет надо до утра.
И все сильнее нарастало
В цепи могучее «Урал».

Бежал парнишка в мятой кепке,
Ветрами Балтики продул.
И первым — яростный и цепкий —
Вскочил на юнкерский редут.

И вот по лестнице парадной
Несется вверх девятый вал.
С орлом доуглавым трон нарядный
Впервые парень увидал.

На царский стул присел парнишка
И, в стол встал еще патрон,
Сказал друзьям:
— Буржуям крышка!
Теперь рабочий сел на трон!

АКАКИЙ ХОРАВА,
народный артист СССР

ИСТОКИ ГЕРОИЧЕСКОГО

«Год тысяча девятьсот восемнадцатый». (Масло).
Художник В. П. Малиновский

Я ПИШУ эту статью в старинном грузинском селе Багдади — ныне Маяковский. Здесь снимается фильм о юности поэта. Над нами раскинулись «багдадские небеса». Шумит речка Халис-Цкали. Желтый и багряный краски осени расцвечены мягкие склоны близких гор...

Случилось так, что я встречаю сороковую годовщину со дня рождения Советской власти в кругу мыслей и чувств, связанных с образом Маяковского. Я много лет мечтал о том, как сыграю его на сцене или в фильме. Моя мечта осталась неосуществленной, и сегодня в роли Маяковского выступит молодой актер — я играю отца поэта. Но как много потерпел я в своих размышлениях о том, каким он был в жизни и должен быть в спектакле или на экране!

Я думаю о Маяковском. О поэте. О человеке. Я вижу в нем непреодолимый пример для каждого советского писателя и художника. Я еще не знаю, каким будет фильм, но я хочу, чтобы нам удалось правильно и сильно рассказать, как начиналась биография поэта. Героическая биография художника, отдавшего свое сердце народу, открывшего свою душу навстречу могучим ветрам истории.

Смертельная вражда к медочам, затмевающим большой смысл жизни человека нового общества, постоянное ощущение того, что его ежечасная поэтическая работа не только «вливается в труд» страны, но и имеет широчайший международный адрес, вдохновенное утверждение героичности всех — больших и малых — лет народа, гордость своей миссией неважно меры — именно эти важнейшие черты творческой программы Маяковского безгранично усилили его поэтический голос.

И вот я спрашиваю себя — актера, гражданина, спрашиваю товарищей по искусству: всегда ли все мы воспитывали в себе и проповедывали в своем творчестве эти основополагающие для всякого советского художника качества, которые были органически присущи такому гиганту советской поэзии, как Владимир Маяковский?

Четверть десятилетия трудового и одновременно триумфального пути, пройденного нашим государством, — это одновременно годы становления, укрепления и расцвета нашего советского искусства. Сегодня нам есть что подытожить, есть чем гордиться. И когда пытаешься единым взором охватить сорокалетний путь, пройденный нашим искусством, то с особой полнотой, с особой ясностью понимаешь, что всеми своими победами, всеми неизмеримыми ценностями мы обязаны революции. Все лучшее в нашем искусстве несет на себе яркий и отчетливый отпечаток советского первородства. За каждым произведением, заслужившим признание народа, стоит подлинно советский художник. Художник нового типа, нового отношения к жизни.

Возьмите любое произведение, которое мы сегодня вправе зачислить в золотой фонд нашего искусства — будь то фильм или спектакль, симфония или полотно живописца, — мы всегда обнаружим в нем огромный идейный заряд, радость утверждения нового и ярость отрицания старого, всегда найдешь в нем свежесть чувств, свойственных человеку нашего молодого общества, всегда найдем смелость формы, адекватной самому полному и самому ясному содержанию. «Сделано в Советском Союзе» — эту гордую марку несут не только наши станки и турбины, корпуса кораблей, детали тонких приборов новейших спутников Земли, поразивших мир. Этой же «маркой» отмечены плоды труда наших артистов и режис-

серов, художников и композиторов. Идейные, стилистические, образные признаки лучших произведений нашего советского искусства всегда выражены полно, ошутимо, я бы сказал, воинствующе. И эти произведения совершают свой путь не только в нашей стране, но и за ее рубежами.

Сегодня на нас смотрит весь мир. От нас ждут нового слова и открытия новых путей. От нас ждут примера и помощи. И мы не имеем права обманывать эти ожидания. Мы, советские художники, не можем ни на минуту забыть о той высоте, на которую нас подняло за сорок лет наше государство. Человек всегда был, есть и будет основным предметом искусства. Вне человека, без него искусство бесплодно, мертво, не нужно людям. Наше советское искусство, сорок лет тому назад связав свою судьбу с человеком нового мира, приняло на свои плечи задачу огромной трудности и огромного исторического значения. В жизнь, а значит, и в искусство пришел небывалый герой. Небывалый по своим целям, по размаху дел, по самому строю мыслей и чувств.

И я думаю, что многие беды нашего искусства имеют один очень простой и очень серьезный источник: мы терпим неудачи именно там и именно тогда, когда перестаем ощущать то новое, что воспитала в людях революция. Да, мы порой ищем ключ к уму и сердцу нашего современника где-то в девятнадцатом веке, а потому и видим его словно в перевернутой бильярд — отдаленным, уменьшенным и туманным. Подгоняя нового героя под старые образцы, мы ищем в нем то, в чем он похож на героев прошлого, а не то, что его от этих героев так решительно и резко отличает. Чем это вызывается — художественной ли робостью или инерцией эстетических представлений, слабым ли знанием жизни или простой ленью? Пожалуй, всем этим, вместе взятым. Но так или иначе, получается так, что мы склонны цепляться за старое в новом, а не искать это новое, схватывать и закреплять его.

За последние годы я имел возможность много ездить по капиталистическим странам. И я вывез из этих поездок основанное на личном опыте представление о том, что именно так резко отличает личность советского человека от личности человека империалистической формации. Широкая жизненная программа, ясность идейной позиции, непреодолимое чувство своего кровного единения с обществом, полное отсутствие классового эгоизма и собственнического чванства — вот они, эти чудесные качества истинного человека нашего общества, истинного героя нашего искусства. Все это черты, исполненные волнующей новизны. А мы порой не чувствуем в нашем человеке героя, забываем о том, что залп «Аврора» не только прозвучал сорок лет тому назад, но звучит в нашей жизни каждый день, ибо эта жизнь, развивающаяся по курсу, проложенному революцией, ни на минуту не теряет своего боевого, революционного пафоса!

Как мне хочется, чтобы в эти светлые дни общего нашего праздника мы, советские художники, по-новому зорко вгляделись бы в черты нашего современника, по-новому бы услышали бинение его сердца. И еще: я хочу, чтобы мы услышали «голос» того, что создано его руками. Несколько лет тому назад я побывал на Днепророссе. И не забуду одухотворенной красоты этого гиганта, воплощающего в себе усилия мозга, воли и могучих рук тех, кто его создавал. Я не забуду, как в грохоте падающей воды, в ровном гуле

турбин мне чудился голос, который рассказывал мне о кипении буден и тревоге авралов... Да, сегодня вот так же говорит весь наш преобразованный человеком мир. Смотрите на заводы и дома, на возделанные поля и сады, на громады зданий и летящие самолеты не сонными глазами пассажира, проезжающего в поезде, а глазами художника и гражданина, который умлет видеть за всем этим энергию трудовых усилий своего современника. Помните о нем, не расставайтесь с ним на дорогах искусства, черпайте вдохновение во вдохновенности его свершений!

И что, может быть, самое главное: поверьте его чувства величием его дел. Будь так — и вы распознаете фальшь той песни, в которой он, хозяин и работник нашей земли, предстает маленьким, слабым, лишенным подлинных страстей. Будь так — и вы сумеете воссоздать его образ во всей его великой и солнечной правде.

По самым своим художественным пристрастиям я склонен к образам крупным, масштабным, освобожденным от самодовлеющего быта, исполненным накала огромных всеотдающих чувств. Я всегда стремился и стремлюсь в область героического искусства. И вот, когда меня спрашивают о том, как я понимаю героическое в его современном, советском значении, я даю ответ, который может кому-нибудь показаться слишком простым: для меня героическое искусство — это искусство, отражающее наше сегодня. Ибо героична самая наша жизнь. Героичен каждый ее день, каждый наш человек, для которого неизменным «вторым планом» всех его дел стала мысль об общем, о будущем, о коммунизме.

Да, я давно отказался от жареного понимания героического. Для меня это идейная и эстетическая категория. Если увидит нашу жизнь в аспекте всей истории человечества, если не даст уловить в себе колоколу, то ведь заренел сорок лет тому назад, если нести в себе постоянное ощущение своего мира, по которому совершает свой победный путь наша идея, то героика придет в наше творчество, начнет властно диктовать нам новые решения, подскажет новые формы, словно свежим ветром сметет ту серую пелену обыденности, скуки, мелкотемья, которые все еще порой отнимают у нас любовь зрителя.

И как бывает больно и досадно, когда видишь болязнь героического, упорное и даже порой сознательное желание уйти в сферу частного быта, частных вопросов морали. Тот, кто делает это, обычно оправдывает свою позицию неприязнью к помпезному и хоуалуному, к гигантомании и всякого рода украшениям в искусстве. Да, и помпезность, и хоуальность, и холодные огни здесь, как и везде, отвратительны и недопустимы. Но зачем же отождествлять их с искусством высокой патристии, смелых и обошщенных решений, то есть с искусством героического театра?

Мне думается, что такими «осторожными» руководит совсем иное. Они прежде всего теряют представление о масштабе событий, соотношенных с сегодняшним днем. В погоне за осуществлением неверно понятой формулы о жизни челове-

ческого духа они сужают самое содержание этого духа, ограничивая сферу человеческих интересов узкослужебными, узкопроизводственными, узкосемейными проблемами. А между тем Станиславский понимал эту формулу совсем иначе. Он безгранично расширял границы пьесы и рамки спектакля. Он на деле утверждал единство судьбы человека и жизни общества. Его воображение волновало образ целой эпохи, за каждым его героем вставал огромный пласт жизни...

Кроме того, — что не менее важно! — эти «осторожные» не верят в силу человеческих чувств, не умеют находить ни конкретное сценическое выражение. Не потому ли еще из нашей драматургии ушел страстный монолог, ярость идейных схваток, пламенная страсть любовных объяснений? Ведь каждый раз ва мнимоглубокими словами о том, что современная драма и современная сценическая форма не терпит ниоткуда громкого, скрывается просто-напросто безность чувств, драбность эмоциональной мускулатуры пьесы или спектакля!

И здесь я опять вспоминаю Маяковского. Вспомню космический масштаб его любовных признаний, разную мощь его нежности, титанический размах его утверждения. Да, Маяковский сегодня для всего нашего искусства — я подчеркиваю это! — не только школа идейности, гражданственности и мастерства, но и великая школа чувств. Героическое искусство великого советского поэта дает нам пример истинной страстности, необычайной открытости человеческого «я» пламенному художнику революции.

Я хочу быть понятым правильно: я вовсе не хочу утверждать, что в советском театральном искусстве вовсе заглохла героическая тема, оказались утраченными традиции героического искусства Ермоловой, Остужева, Юрьева, Марджанова. Но ведь верно же, что слишком религи у нас произвелся огромный масштаб, способны потратить и исторгать слезы, пораздять тот «катарсис», о котором писали древние и который остается вечной целью героической трагедии.

Но я верю в будущее героического советского театра. Я убежден, что та историческая вышка, на которой находится наше государство, весь наш народ в эти дни, поможет художникам слезы увидеть новые горизонты, с новой силой почувствовать ритм нашей жизни, найти неиссякаемые источники анического искусства.

Пусть вдохновит наших художников размах всенародных торжеств, пусть величайший логистический. Пусть каждый из нас — будь то актер, режиссер, драматург — отрет своею душою тому многообразию мыслей, чувств, впечатлений, которые дает нам сегодня наша советская жизнь. Пусть каждый из нас почувствует себя лично ответственным за судьбу родного искусства. И тогда на сцене расправят свои могучие крылья поэзия и правда, тогда в полный голос зазвучит героическая тема нашего искусства — его главная, его ведущая тема, вызванная к жизни Великим Октябрем.

Сергей ОРЛОВ

Свет звезд идет к земле
В ночь настужь распахни
И, может, вспыхнет пред
Звезда, рожденная давно.
Темны, глухи Вселенной
А под окном трава звенит,
Встанут в стекле столбы
Отблескивающие давно,
Вот так же свет Земли,
Вселенной принимать дано.

Стремительно и дерзновенно,
Под стать, быть может, лишь
Свет движется во всей
Живой в межзвездной темноте.
Так за морями, за горами,
Над азиатскою тоской,
В иррови и пелле, во Вьетнаме
Уже воспринял род людской.
Так у звезды Полярной где-то
Над Петропавловкой ракетой
Фонарь взлетает в небосвод.
В созвездиях Лыры пыль
Горят костры, блестят штыки,
Буденновские колесницы

Багровый ветер рвет в куски.
Так за хребтами Гималаев,
Как двадцать лет назад у нас,
Колхозы строятся в Китае,
И свой Урал, и свой Кубзасс...
Метет метелица стальная,
И гнется Млечный Путь под
Клинками сабель озаряя
Панахи, бурки и коней.
Там жив Чапаев над Уралом,
Там у походного костра
О нас мечтают заповали,
Не засыпая до утра.
А от земли, в лавине света,
К мирам в космической дали
Уже несут, зная, ракеты
Звезду Кремлевскую Земли.

ЗВЕЗДЫ ОКТЯБРЯ

В НЕДАЛЕКОМ БУДУЩЕМ

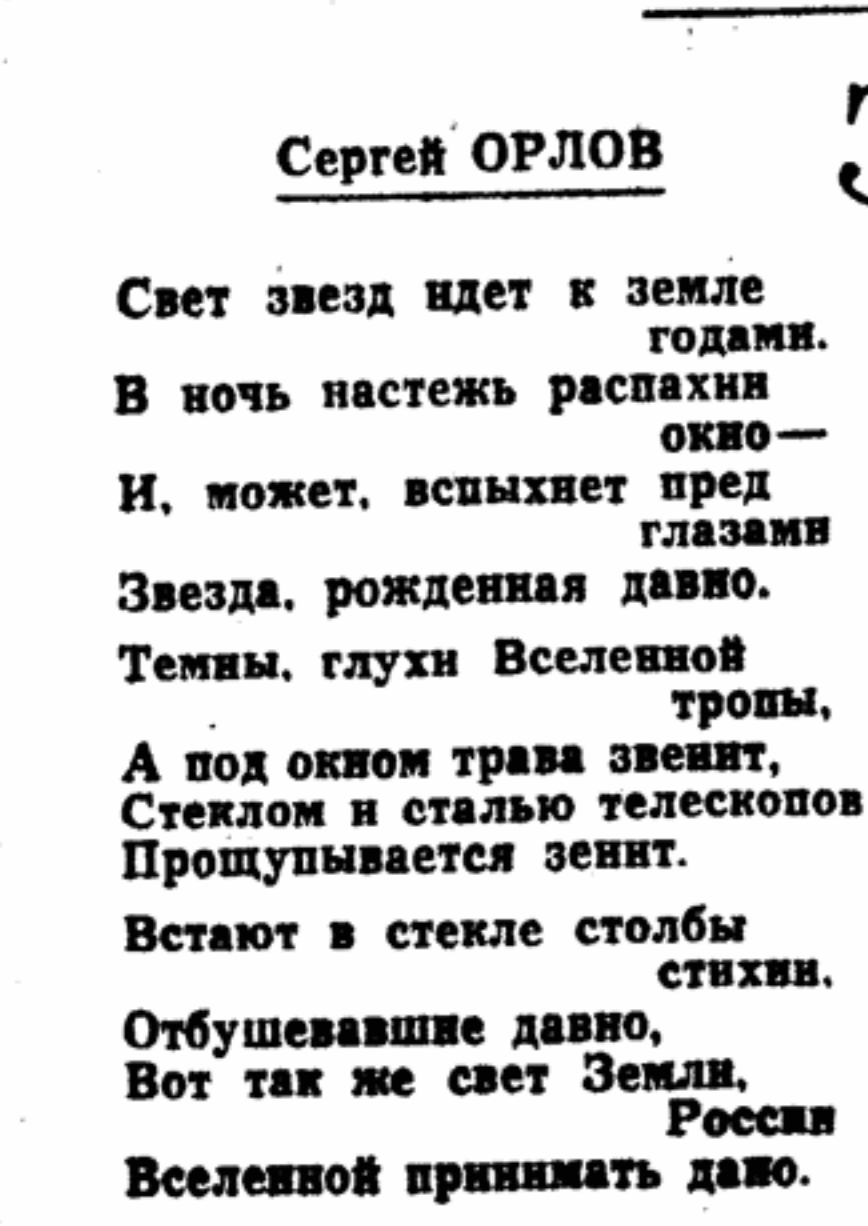
ПОЗЫ-ЛИРИКИ
В ТВОРЧЕСКОЙ
ПОМАНДРОВЫ

ЗЕМЛЯКИ

ВЫСТРЕЛ ЗВУКА

НА МАРС
ГАЗЕТЫ-ЖУРНАЛЫ

ВТРОИМ ВЫПУСК

...Из этой пушки был сделан выстрел по Зимнему дворцу.
Рисунки М. Ушаца и К. Невлера

ЧЕЛОВЕК БУДЕТ ЖИТЬ

Эльмар ГРИН

Вселенная безгранична. И по всей этой безграничности носится в разных направлениях неисчислимое количество звезд. Это очень много. Это ровно столько, сколько может вместить Вселенная. А Вселенная безгранична.

И пусть нам трудно, даже невозможно представить себе пространство, не имеющее пределов, но мы можем с уверенностью сказать, что вряд ли даже в этой беспредельности найдется существо, равное по своим духовным и физическим качествам человеку.

Мы — люди и поэтому навсегда останемся патриотами своей планеты — Земли, родившей нас. И сам человек — вершина земных творений — навсегда останется в наших глазах созданием непревзойденным, какие бы иные сложные существа ни явились нашему взору в будущем на просторах Вселенной.

Кому и где, под каким иным солнцем — будь оно хотья бы вдесятеро крупнее нашего — дано природой такое множество чудесных душевных свойств, способных отшатываться на любое явление жизни? Кто и где в мироздании, на какой планете, под какой иной звездой способен так заразительно смеяться в минуту ощущение счастья и восторга? У кого и где может еще столь многогранно выразиться чувство любви и дружбы? Доступно ли еще кому-нибудь во Вселенной свойство испытать, помимо чувств негодования и гнева, еще и чувство великодушия, чувство справедливости? Обладает ли еще кто-нибудь в межзвездном пространстве редким даром, называемым у нас чувством юмора и помогающим порой сжать одной лишь силой слова препятствия, кажущиеся в своей тупости и жесткости неодолимыми? Дано ли еще кому-нибудь испытывать упоение в созерцании прекрасного? Есть ли кто в иных мирах, равный человеку в его способности вдохновляться высокими идеями, до готовности отдать ради них свою жизнь? Дана ли кому-нибудь еще радость сознания, что жизнь его с будущими поколениями продолжится бесконечно, сохраненная в тех словах, делах, которые он для них совершил?

А мысль человека! Что может быть могущественнее этого нового света божества, единственного, в кого мы непоколебимо веруем, — божества, разняющего в своем победном шествии самый черный мрак. И кто знает, не окажется ли первым прокладывателем путей в космосе именно человек, житель пока еще безвестной планеты Земли? Все может быть. Все может совершиться ныне, когда первые шаги в неведомое им уже сделаны.

Нам неизвестны пока еще другие существа, носящие в себе такие же качества. Известен только человек. И поэтому нам так дорого это удивительное порождение Земли, это сотканное из молекул живое чудо, поднявшееся из первичной тины и слизю до звездных высот. Потому-то мы все наши надежды и всю нашу любовь отдаем ему.

С чувством умиления всматриваемся мы в румяное, пухлое личико ребенка, едва раскрывшего на окружающий его сказочный мир свои доверчивые глазенки. Без конца готовы мы любоваться длушущей или юнцущей, чей облик выражает расцвет физический и духовный сил человека. Не ведая еще сами о заключенном в них богатстве, не сознавая своей божественной красоты, они устремляются в жизнь, бессознательно одаряя мир удивительной радостью и красотой движений своих гибких тел. Мы с чувством благоговения и нежности взираем на женщину-мать, которая таит в себе источник жизни. С гордостью за человека и величие его дел вглядываемся мы в строение черты зрелого мужа, исполненные воли и энергии. Это он всегда вперед, предсудителем, направит, повестит. Он в ответе за будущее человечества, и сам это сознает.

С уважением всматриваемся мы в лицо человека, тронутое старостью. Нам дороги эти черты, тающие в себе опыты целой жизни. Старость красива своей мудростью. Это ее главное богатство, которым она всегда рада поделиться с теми, кто едва вышел на дорогу жизни.

Но мы не ждем катастрофы. Было бы обидно и больно представить себе нашу прекрасную планету борющейся черноту кос-

моса по своей привычной орбите в виде молчаливой безжизненной глыбы понасте того, как на ее поверхности уже сверкали, залились морем электрических огней, чудо-города, а над ней блистали в лучах утренней и вечерней зари созданные руками человека спутники. Было бы страшным кощунством допустить это, кощунством не только перед человечеством, но и перед многими другими разумными существами, населяющими межзвездные миры, для которых человек, возможно, явится освободителем и руководителем в установлении великого межпланетного содружества. И об этом сейчас можно говорить вполне серьезно, не боясь, что собеседник будет с беспокойством ловить в ваших глазах огоньки безумия.

Мы знаем, что капиталистический мир уже давно ходит по закодированному кругу неразрешимых экономических противоречий, и как ни парадоксально это звучит, но устойчивее всего он себя чувствует на краю пропасти. Иными словами, уродство его системы вынуждает его не гнущаться никакими средствами для сохранения равновесия в своей экономике. И если этому может способствовать производство орудий смерти, он готов произвести их в неограниченном количестве, лишь бы создать хотя бы видимость процветания. А та угроза, которую несет миру разработка оружия, его не трогает, благо она способствует занятости его предприятий, обеспечивая прибыль.

В то же время он считает свою систему самой совершенной и готов силой оружия смести с лица земли народы, установившие у себя новые общественные взаимоотношения, полностью опровергающие непогрешимость его системы. Эта непримиримость капитализма к странам с новым общественным укладом жизни и мешает человечеству объединиться в одну дружную семью. Она же таит в себе постоянную опасность взрыва.

Мы являемся одной из тех стран, против которых направлена ненависть капитализма. Мы уже сорок лет назад перестали повиноваться его законам, установив свои собственные, отвечающие интересам всех слоев народа, а не только малочисленного класса господ. И хотя в течение этих сорока лет капитализм не однажды пытался смести нашу страну, вынудив нас затратить около половины этого срока на битвы с ним, затем на восстановление им же разрушенного, однако даже за те мирные годы, которыми нам удалось воспользоваться для строительства нового, мы успели совершить из непробудной мглы вековой отсталости такой могучий взлет к светлым высотам передовой науки и культуры, что сразу поставили себя вровень с наиболее развитыми капиталистическими странами, а кое в чем даже опередили их. Преподолеть отсталость, равную столетию, за двадцать с небольшим лет! Это ли не доказательство превосходства новой общественной системы!

Нам нет надобности поддерживать уровень занятости людей в промышленности за счет производства вооружения. Наступление эры мирного сосуществования — для нас не предмет страха, а желанная мечта. Мы с легким сердцем переплавим орудия и танки в плуги и экскаваторы, ибо производим в изобилии все необходимое для жизни — это и есть основная цель нашего строя.

Человечество вступило во вторую половину XX столетия. Какими событиями в истории человечества прославится это полу столетие? Оно может прославиться новыми величайшими победами человека над силами природы и его дальнейшим проникновением в загадочные глубины Вселенной. Тому порукой новые небесные тела, созданные руками человека в самом начале этого

полустолетия. Но оно, это полу столетие, может ознаменовать также величайшим несчастьем для всего живущего на земле, если преступные силы разрушения не будут вовремя остановлены. И здесь решающую роль должна сыграть бдительность народов. Только они, подлинные владельцы планеты, способны остановить злодейскую руку и не дать ей загубить кропотливое дело многих тысячелетий.

Народы не дремлют. Они зорко следят за теми, кому не терпится испытать на них действие своих смертоносных изобретений. Голос их, все более грозный, предостерегает этих безумцев, играющих с огнем. Сейчас асы каждого, что любая, даже самая крохотная искра войны, где бы она ни вспыхнула, способна вызвать мировой пожар. Где бы она ни вспыхнула! Она не может вспыхнуть в отдалении от народов, на краю Земли, как бывало. Потому что ныне на Земле, давно ставшей шаром, любая точка — центр.

На весь мир прозвучал недавно голос князя представителей народов земли. Голос тех, кто составляет украшение и радость нашей жизни, ее лучший цвет, ее надежды. Собравшись на свой международный праздник в Москве, они провозгласили: «Долой вражду и недоверие между народами! Да здравствует взаимное дружеское общение! Да здравствует постоянная и прочная мир!»

Демонстрируя песни и танцы своих народов и соревнуясь в спортивных достижениях, они этим самым как бы говорили: «Вот где человечество может на вечные времена без вреда для себя сохранить дух борьбы. Вот где может быть его постоянное поле битвы». Это было очень мудрым призывом. Таким же «полем битвы» между народами может стать область литературы и искусства. А запущенные советскими учеными в надземные пространства искусственные спутники показывают, в каком направлении следует соревноваться людям науки, вместо того чтобы тратить свой гений на изобретение средств, грозящих гибелью всему миру.

Нашей стране особенно дорог мир. И не только потому, что она более чем кто-либо испытала на себе все ужасы кровавых нашествий чужеземных врагов. Но главным образом потому, что осуществление важнейшей цели нашего строя — подъем всеобщего благосостояния — возможно только в мирных условиях.

С гордостью оглядываться сегодня назад наш богатый народ, обзаведая на то грандиозное, что сделали им за столь немногие годы. И гордость его законна, ибо каждый новый кирпич, каждый новый источник света над речной долиной были созданы им только во имя утверждения жизни. И с тем большей уверенностью продолжает он свое дело, открывающее новые пути развития перед всем человечеством.

Пример нашей страны показывает всему миру, какие чудеса может совершать народ, который с некоторых пор стал работать сам на себя. А хорошие примеры всегда находят отклик. Их изучают, оценивают, одобряют, им следуют. С каждым годом все больше дружеских улыбок обращено к нам с разных континентов. Люди сердцем чувствуют, что найдена, наконец, такая форма жизни, которая способна воплотить в реальность все их вековые мечты и надежды.

И, ободренные их поддержкой, мы верим, что огни планет, зажженные силой человеческой мысли, не угаснут, накопленные тысячелетиями сокровища человеческой культуры не превратятся в радиоактивную туманность. И сам человек, это совершеннейшее творение живой материи, будет жить, чтобы пронести зажженный на Земле светоча разума на другие миры Вселенной. — мы верим в это, и потому мы всем сердцем стремимся установить прежде всего мир и порядок в своем собственном доме — на Земле.

„Тихий Дон“ на экране

В. ФРОЛОВ

НЕ БЕЗ ТРЕВОГИ ожидали мы этот фильм. Смогет ли он встать вровень по силе своего воздействия с всемирно известным романом Михаила Шолохова? Произведение подлинно национальное, эпическое, оно до сих пор зажигает сердца читателей, потрясает глубиной народных характеров, трагичностью катастроф и сочностью шолоховского реализма. К тому же в 30-х годах уже была попытка экранизировать роман. И по своему интересна.

Нужно было заново осмыслить и понять грандиозный роман, сегоднешними глазами прочитать огромную народную эпопею, проникнуть в тайны захватывающих характеров, написанных шолоховским неповторимым, оценить и осмыслить развитие событий большой исторической важности, событий трагических жестокости, в которых умирает старый мир в мучительных схватках, в борьбе с революцией.

ТРУДНО средствами киноискусства передать все богатство и многообразие шолоховского романа. Да этого никто от Сергея Герасимова — постановщика фильма «Тихий Дон» (первая и вторая серии), — наверное, не наберется смелости потребовать. Неужели найдутся люди, которые понимают экранизацию, как копирование романа (любая копия хуже оригинала), как механическое воспроизведение всего того, что написал художник. Не лучше ли признать за кинорежиссером право быть оригинальным автором кинооперы? Я думаю, что картина С. Герасимова дает хороший повод для дискуссий о путях экранизации, о том, как художник кино проявляет себя и что вносит он нового и уже знакомые образы эпического произведения.

Можно спорить с режиссером, почему он выбирает тот или иной эпизод из романа и проходит мимо более существенного, с нашей точки зрения. Почему, скажем, в первой серии Герасимов вынимает из личного взаимоотношения Григория и Аксиньи, здесь он не упускает ни одной детали, характеризующей возникновение и развитие сильной любви. Языком кино режиссер передает шест травы и какое-то тревожащее трепетное ощущение тихой донской ночи, когда Григорий ищет Аксинью и она идет ему навстречу, или состояние Натальи, когда она, убежав из церкви, бросилась на острые косяки, и тут же наплывом на экране возникает прижатые ветром камыши на Дону... Прекрасна сцена возвращения с фронта Григория в Ягодное; от дедушки он узнает, что Аксинья изменила ему. Наутро Григорий напросился прокатить молодого барина. Григорий молча погонял рыскаю, довел его до лихой ревности, а за бутром коня круто остановил, вырвал кнут и изо всей силы хлестнул Листинского по лицу. Тот повалился, а казак все бил и бил его кнутом, топтал ногами.

Все эти эпизоды, как и многие другие, что показывается в первой серии, есть в романе. Герасимов следовал тексту шолоховского повествования, не сочиняя и не придумывая ничего от себя как автор сценария. В спокойных, эпических тонах начинает режиссер фильм, не торжественно рассказывая об эпохе, стремясь глубже взглянуть в характеры Аксиньи, Григория, Натальи, Пантелея Прокофьевича Мелехова. Прав ли он? Прав, но не совсем. Правда смотрит первую серию, то кажется, что она несколько проигрывает от того, что некоторые условные сцены романа не попали сюда, хотя они очень существенны для последующего развития киноромана. Так, Штокману — большевисту-подпольщику явно не повезло в первой серии: обрисован он довольно бегло, в двух-трех эпизодах.

Верно ли поступил режиссер, так мало уделив внимания образу Гаражи, раненого солдата, который в московской лечебнице Снегирева, куда на излечение попал Григорий Мелехов, открыл глаза казачку на «чуждинскую нелепую войну». Именно благодаря Гаражи Григорий и смог с презрением и злобой отвечать «особо императорской фамилии». В фильме этот эпизод идет сразу же после короткого диалога Григория — Гаражи и оставляет ощущение недосказанности.

Вряд ли целесообразно было оставлять за кадром беседы Григория с Ефимом Изваринным — казачком, проповедовавшим идею самостоятельной Донской республики. В эволюции Григория Мелехова, развитии его взглядов Изварин сыграл самую коварную роль, внушая полуграмотному казачку «свое золотое» и «независимое» и «независимое» Доне.

Конечно, все эти просчеты сказались в киноромане, особенно в первой серии «Тихого Дона». Одни образы вышли на первый план, заново открылись зрителю, другие как-то померкли, третьи совсем не показались в фильме. И все-таки я убежден, что мы плохую услугу окажем искусству, если будем отрицать все то, чего нет в фильме, а есть в романе. Роман есть роман, а фильм есть фильм. Он не переискусывает роман, а сам является вполне самостоятельным произведением, создающим в зрительских образах и красках живую картину эпохи. Вернее всего оценить фильм в целом, в той режиссерской трактовке, которая сейчас сложилась в двух сериях. Пока еще нет третьей серии, завершающей всю кинооперу, но уже сейчас есть все основания говорить о большой победе советского киноискусства, о народной киноопере, в которой развернулось эпическое повествование, темпераментное дарование Сергея Герасимова, живописное мастерство главного оператора Владимира Рапопорта, режиссеров и актеров, всех участников этого волнующего кинопроизведения.

Фильм движется как бы по восходящей линии, захватывая все больше событий, постепенно раскрывая эпоху в противоречиях, в классовых битвах. Первая серия по своему тону спокойно-лирическая. Уже во второй серии Герасимов выходит из мира семейных, личных отношений своих героев, он уже мыслит масштабами эпохи, сталкивает в вихре гражданской войны непримиримые классовые интересы. Его уже почти не интересует, как теперь относятся Григорий к Аксинье и что думает она о своем возлюбленном. Россия переживает революционные потрясения. Покинули окопы казаки, они возвращаются на Дон, в свои станицы. Как будут жить дальше? Какую сторону примут? Пойдут ли за Подтелковым и Кошевым, или подадутся к Калединой?

И СРАЗУ вторая серия вводит зрителя в обстановку гражданской войны. В Петербурге, в ресторане казачьи офицеры Калмыков и Листинский пьют за «спасение России». Контрреволюция встречает Корнилова на перроне Московского вокзала. Все шире и шире раздвигаются события. Режиссер не таит своего темперамента; в жестоких, трагических коллизиях выявляются характеры двух миров — революции и контрреволюции. Борьба этих миров — стержень и конфликт киноромана.

На станции Нарва лицом к лицу сталкиваются бывшие сослуживцы хорунжий Бунчук и есаул Калмыков, фанатически преданный Корнилову человек. Они идут друг на друга в открытую, и в этой схватке побеждает Бунчук. Потрясает сцена расстрела Бунчуком есаула: возле колодезника обезоруженный Калмыков обернулся к Бунчуку и выкрикивает тяжелые оскорбительные слова о большевиках, о партии. Не выдержав большевик Бунчук: «Становись к стенке!» Он выстрелил в наглого, искаженное ненавистью лицо врага. А когда Иван Алексеевич тревожно спросил Бунчука: «Что ж ты, Митрич! За что ты его?», — он сказал сильным, но странно потухшим голосом: «Он нас или мы их... Середики нету»...

Несмотря на беспощадную правду, с которой идет повествование о трагической гибели контрреволюционного казачества, в фильме сохранили шолоховский гуманизм, мужественный и героический. В «подтексте» «Тихого Дона», в самых трагических эпизодах ощущается возмущенно-опухотворенность, оптимизм, свойственный и роману, и постановочнику эпопеи о молодогвардейцах. Теперь снова писатель и режиссер как бы дополняют друг друга. Когда в хуторе Пономарев расстреливают товарищей Подтелкова и среди невыносимой тишины раздаются сухие винтовочные выстрелы, протяжный голосист толпа, а в окне казачьей избы появляется совсем крохотный мальчонка и малюсенькими ручонками тербит стекло, то удивляешься не только выразительности этой детали, но и ее огромному смыслу.

В белых рубашках стоят у могилы приговоренные к смерти. Крайний слева — Бунчук. Имя есть? — спрашивает его казак. Бунчук, обернувшись к притихшей толпе, говорит: «Член партии коммунистов-большевиков! Питерский рабочий, сам из казачьей Хватиги!» Он умирает с презрением и смерти.

Последним вышел Подтелков, легка сутулывший, в кожанке, могучий в плечах; сам надел на шею веревку и громко произнес: «Лучших сынов Тихого Дона по-

клали вы в эту яму». Кто-то выбил из-под его ног табурет; Подтелков качнулся своим грузным телом и достал ногами землю. И проговорил так, что все слышали: «Вешать ишо не научились...» И в этих словах и гордости, и проклятье, и ирония.

Страшна эта сцена; печальна и горька судьба коммунистов-подтелковцев. Но только ли печаль возникает в сердце зрителя, только ли слезы блещат на глазах? Есть высший подвиг души в словах Бунчука, в безмыслии комитетчиков, в спокойной речи Подтелкова. И не это ли делает самые трагические сцены фильма поэтически, преспокойными благодарств и оустительной силой? Белозубый Кошевой, весь избитый и израненный, поднимается, чтобы встать и закричать родной Дон; исхудавший, с вывалившимися глазами Штокман, перед развернутым знаменем запеваящий в строю красноармейцев революционную песню; машинист, усадый казак Иван Алексеевич Котларов, сплюнувший на гербовую печать, утверждает первый документ Советской власти в хуторе Татарском — все эти люди, связанные свою судьбу с коммунистами, с властью Советов, нашли в фильме яркое актерское воплощение. Образы этих бесстрашных рыцарей революции приносили в фильм победный призыв большевистской партии. Каждый из них — характер, лицо, поражающее внутренней духовной силой.

Я СНО, что без Григория Мелехова — самого сильного трагического характера в нашей литературе — нельзя себе представить фильм «Тихий Дон». Режиссер шел на риск, поверив в никому доселе не известного актера Театра имени Станиславского П. Глебова. И режиссер не ошибся: произошло открытие яркого таланта.

В первой серии только начинает складываться характер Григория — своенравного, удалого казака. Он любит Аксинью, но и в его любви есть что-то эгоистическое, упрямое, мелеховское. Помните, как, горячо лаская Григория, Аксинья предлагала ему бежать куда угодно, только чтобы быть вместе. Но Григорий никуда не уйдет от хозяйства, от отцовского курена.

Актер очень сдержан в первой серии, сдержан его Григорий в любви, в привязанности к красивой казачке. Только в боличной палате вылился его гнев, когда перед ним стояло лицо царской фамилии. Огнем сверкала одиночная лиза, он туло повторил: «Мне бы по надобности сходить...» Мы понимаем, почему он так поступил, хотя в картине оставлен лишь один эпизод, характеризующий душевные потрясения Григория на фронте: в горячке атаки Мелехов зарубил белобрысого австрийца, круто остановил коня и долго смотрел на его лицо, на глаза. Глебов эту бессловесную сцену проводит отлично, но ее все-таки мало, чтобы объяснить начавшиеся душевные терзания Григория Мелехова.

Из первых испытаний Григорий Мелехов вышел тревожным, надломленным. Он порвал с Аксиньей, пришел к отцовскому озагу, погостил с георгиевским крестом в Татарском и опять вернулся на фронт. За подвиги получал кресты и чины, выделялся храбростью, но тяжела боль грызла его сердце: зачем война казачку? Верно гуторит Мишка Кошевой: ничего, кроме ран и вшей, не дает война людям. Но ведь не приехал Григорий сразу в родную станицу после Октября 1917 года, а остался с большевиками. Пытливо искал Григорий Мелехов правды. Для него вопрос «кто кого?» еще не являлся вопросом жизни. И только в бою в станице Глубокой и Григорием овладевают сомнения. Опять воет в С кем? Со своими?

Здесь началась разрыв Григория Мелехова с большевиками. И хотя он после этого на вопрос Пантелея Прокофьевича: «Ты какой же стороны держишься?» — отвечает: «Я? За Советскую власть», однако все дальше и дальше будет уходить Григорий от коммунистов, от Советской власти. Не мог понять донской полуграмотный казак революцию, потому как не представлял себе жизни без своего богатого курена, без того собственного уклада, который веками сложился на Дону. И в этом — источник мучительной трагедии Григория Мелехова. Начав с того, что он заступился за каледицу Чернецова, Григорий кончил тем, что проклял Советскую власть, стал ее врагом и зарубил

в бою голубоглазого матроса. Глебов хорошо показывает глубинные трагические противоречия Григория: вот он стоит в строю в хуторе Пономарев, глаза его сощурились, укиев. Молчит. А когда Подтелков подходит к нему, шипит в злобе: «Помнишь, как офицеров стрелял... Ты, поганка, казачков предатель...» Вот в солдатской шинели, в папаче, уже нагло смотрит на председателя Советской власти: «Власть твою, уж как хочешь, поганая власть. Чего она дает нам, казачкам?» И в финале второй серии — бьется в истерику, кусает руки, землю Григорий Мелехов, только что зарубивший матроса, кричит надрыно, дику: «Братцы, ну вы мне прощания! Зарубите, ради бога!»

Так раскрывается трагическая судьба обманутого, сильного, не нашего себя человека, поднявшего руку против своей, народной власти...

В ФИЛЬМЕ «Тихий Дон» много запоминающихся характеров. Трудно дать оценку всем действующим лицам. Нужно сказать только, что почти все актеры и участники массовых сцен — казаки и казачки терпеливых донских станиц (а сьемки фильма проходили на Дону, в станицах, где разыгрывались драмы и трагедии, описанные в романе) — с трепетной любовью отнеслись к тому, чтобы зажить на экране шолоховские герои. Есть в фильме блестящие актерские работы. И к ним относятся прежде всего образы Пантелея Прокофьевича Мелехова в исполнении Д. Ильченко. От походки, колыхания глаз изпод пышных бровей и до уверенной хозяйской поведки — все в этом характере мелеховское. И вдали, когда в новой фуражке старится и пританцовывает старик, довольный подарком сына; и в горькой обиде на Григория, который ушел с родного база, оставив Наталью; и в злобе на большевиков, угрожающих богатому куреню Пантелея Мелехова. — во всем актер сохраняет верность натуре, обнажая тугую жалость, крепкую хватку казака, насмерть охраняющего старый порядок.

Удачно дебютирует в кино Н. Архангельская, создавая чудесный, поэтический характер Душицы, открытой для жизни, отзывчивой и цельной. Одним из самых близких к Шолохову образов оказалась Наталья — З. Кириенко. Любящая, преданная и бессильная преодолеть внутреннюю скованность, Наталья в исполнении талантливой актрисы — характер по-настоящему драматический. Хороша Дарья — Л. Хитяева. И просто поразительно М. Глузский в роли фанатичного, жестокого есаула Калмыкова; актер живет в каждом эпизоде жизнью своего героя, его Калмыков страшен в борьбе, в ненависти, в смерти своей. Вообще, надо сказать, враги в фильме изображены суровыми и простыми красками большого реализма.

Пока что не в полную меру развернулись способности Э. Быстрицкой, играющей Аксинью. В первой серии Григорий Мелехов дал как характер в развитии, в драме его собственного сознания. Это не скажешь об Аксинье — Быстрицкой. Почему только в Ягодном пробуждается в Аксинье тревога за дочь, за Григория, за его любовь? Почему она так сдержанна и благородно-величава, когда ей свойственно по роману мятежная с дерзостью?

В рамках газетной статьи не скажешь обо всех актерах, о режиссерах, художниках, операторах, композиторе, — огромный коллектив трудился над «Тихим Доном». Их усилиями в короткие сроки, к сорокалетию Октября, выпущены две серии большой революционной кинооперы. Снажу только еще об одном немаловажном достоинстве. В фильме течет, льется, поражая сочностью, напевной музыкой, шолоховская, народная речь. Это так прекрасно, что можно, закрыв глаза, слушать, не боясь спутать персонажи, говорок, какие-то свои, отличительные интонации в репликах Григория и Пантелея Мелеховых, Аксиньи и дедушки Сашки, Христови и Прохора Зыкова...

Итак, перед нами прошел (правда, еще не весь) шолоховский «Тихий Дон». Мы пережили драмы и трагедии многих народных характеров, еще раз насладились богатством и красотой настоящей поэзии. Но впереди еще третья серия, которая подытожит гигантскую сложную работу. Пожелаем же творческому коллективу Сергея Герасимова успехов в завершении полной экранизации «Тихого Дона».

На фото: кадры из фильма «Тихий Дон»: Аксинья — Э. Быстрицкая, Григорий — П. Глебов.

ЛЕНИНСКИЕ ВЕРНЫЕ ПРИМЕТЫ

Роша под Москвой, где отдыхал он, И в Кремле рабочий кабинет — Да хранится всё, что помогало Мыслям мир обнять сквозь толщу лет.

Но под неоглядным нашим небом Больше мест таких, таких дорог, На которых он ни разу не был, Где никто с ним встретиться не мог.

Только это в мире не задворки. И моим известно землякам: Так же революция, как в Горки, С именем его пришла и к нам.

В наши хаты, На скупые нивы

Новь пришла, Открыта в мир пути. С ней шагал я юношей счастливым, И сейчас я счастлив с ней идти.

Вышла она в бою смертельным, Знать, была не по годам сильна. Крепнуть ей в труде твоём артельном, Край полей, Родная сторона.

В том краса и сила жизни этой, Что везде, Как в Горках и Кремле, Ленинские верные приметы Люди видят на своей земле.

Александр РЕШЕТОВ

Иллюстрация художника В. ИВАНОВА

ВОСХОДЯЩАЯ ЗВЕЗДА

Шон О'КЕЙСИ,
ирландский писатель

ПО СЛУЧАЮ сороковой годовщины Октябрьской революции прежде всего подношу свою руку ирландца ко лбу, отдавая честь этой революции и всему, что пришло благодаря ей, всему, что уже пришло, и всему, что еще придет в будущем.

Сорок лет назад, весь в лохмотьях, я скитался по Дублину в тщетных поисках работы. Праведные христиане-предприниматели не подпускали меня близко из-за того, что я принимал деятельное участие в крупных волнениях, когда ирландские рабочие боролись за улучшение условий жизни. Я был голоден, но доволен тем, что мы дали хороший бой и что ирландский рабочий уже начал осознать свою роль и в устройстве собственной жизни, и в жизни всей нации. Я был полон решимости, несокрушимой, как небесная твердь, но мне не хватало зора, отсутствовал источник бодрости. В животе у меня было легко и соответствующе тяжело на сердце. И вот грянул гром: русские рабочие, солдаты и крестьяне поднялись против старого строя; в раскатах этого грома мне слышался голос людей, требовавших хлеба и мира. Эти тихие, слабые голоса превратились в могучий шум урагана. В животе у меня по-прежнему было легко, но с сердца упала тяжесть. Я присоединил свой голос к голосам революции и издали следил, как народы России борются за самое необходимое для всех людей, за то, чтобы у всех людей было это необходимое и гораздо больше, так как эта борьба принесла не только мир и хлеб: она открыла волшебную дверь, ведущую ко всему ближнему и далекому, создала человека на земле. Она открыла путь к литературе и искусству на сей раз не для могущественного меньшинства, а для всех людей, чтобы они владели ими, пользовались и наслаждались навечно.

Все это давалось не легко (вель революция — это гораздо сложнее, чем просто борьба); все это не ангел спускается с неба, все делалось не по откровению свыше. Народы России должны были достигнуть этого тяжким и трудным путем; им пришлось отбрасывать свое существование в ужасной схватке с нагнанными врагами, которые были и накормлены, и одеты, и вооружены гораздо лучше, чем они сами; с врагами, наступавшими с севера, с юга, с востока и с запада, полными решимости не допустить, чтобы разрозненные посаженные советскими людьми древо свободы; с врагами, стремящимися вывернуть это дерево с корнем и сжечь его на том месте, где оно раньше росло, а затем разветвить его прах в пустыне, чтобы плод социализма исчез еще в зародыше, а люди, которые осмелились посадить это дерево, отчаялись бы и снова впади в дремоту, усыпанные старыми сказками.

Но врагам, нападшим со всех сторон, не удалось разрушить дерево; посадившие его люди сумели защитить его и отнесли разрушителей в море; эти люди не впади снова в дремоту, под звуки старинных сказок, но трудились беспрерывно день и ночь, пока дерево не стало высоким и сильным и не покрылось листвами.

Плоды социализма напитали людей, так что они стали сильными и вершили благодаря этой силе великие дела. С каждым днем они укрепили мощь и рост воли жизни, которая, укоренившись в их собственной стране, стала затем распространяться и на многие другие страны.

Тогда враги социализма сошлись на совет и сказали: «Дайте запереть их и будем держать взаперти там, где они сейчас находятся, так, чтобы они не могли шевель-

нуться и свинуться оттуда ни на шаг; пусть никто их не знает, никто не говорит с ними, никто не торгует; пусть никто не пожелает им доброго дня, пусть ни один корабль не войдет в их порты, так, чтобы они со всех сторон были окружены молчанием, и тогда они погибнут от одиночества».

Но эти люди не погибли от одиночества, они его даже не почувствовали, потому что были слишком заняты строительством, слишком заняты связывая воедино нити общественной жизни, разорванные злобным нападением интервентов. Они были слишком заняты, засеивая землю, на которой прежде ничего не росло, соорудив фабрики на обширных пространствах, которые так долго вызвали к небу своей пустотой; слишком заняты постройкой железных дорог для того, чтобы все люди смогли получать то, в чем они нуждались, — вещи, созданные их собственными руками, злаки и плоды, выращенные их трудом с помощью дождя и солнца, — чтобы они могли получать все это и получать быстро. Жизнь билась в людях так, как никогда прежде; их труд, их раны были не напрасны, ибо труд — мать всех вещей, и это относится к произведениям искусства, литературы и науки не меньше, чем к платьям, которые мы носим, или пище, которую мы едим. Люди начали петь; зазвучала победная песня социализма о его достижениях. Поэты писали слова этой песни, и это было опасно для врагов социализма, потому что песня иногда может быть более сильной и бить дальше, чем пушечный выстрел.

Враги социализма зловольничали, потому что если бы мощь СССР продолжала расти, «болезнь» грозила перекинуться если не на старших представителей внешнего мира, то на молодежь, и она могла бы оттолкнуть старших, чтобы дать дорогу такому устройству жизни, которое было бы больше по нраву новым поколениям; тогда бы сбросить с себя сон, навеянный звуками старых сказок, и начать жить.

Тогда враги опять собрались на совет и заявили: «Необходимо держать эту потрясающую и опасную деятельность в ее собственных границах; нельзя допускать, чтобы люди ее видели, иначе они тоже подпадут под ее влияние; во что бы то ни стало надо удерживать идею, энтузиазм, песню социализма от распространения». Поэтому они окружили СССР большим кольцом вооруженных баз, где поместили много больших орудий, много гигантских бомбардировщиков, массы вооруженных людей, чтобы достижения Советского Союза не могли перекинуться в другие места; они не оставили ни одной не охраняемой лазейки, чтобы быть уверенными, что достижения социализма не выйдут за пределы страны; их мир шел своей дорогой, ни мыслью, ни взглядом не обращаясь к тому месту, где новая и светлая жизнь выросла в могучую физическую и моральную силу. Вокруг Советского Союза массы вооруженных людей скалились зубами, большие орудия выдвинулись на цель, а бомбардировщики задорно вторгались в чужие пределы. За их спинами старший мир чувствовал себя надежно. Ничто, казалось, не могло бы вызвать там никаких изменений, потому что социализм был ограничен и заперт в магическом круге бомбардировщиков и орудий.

Однако они неправильно подошли к делу, это не христианский

подход, и, хуже того, глупый подход, потому что это ослабляет уважение и умаляет доверие к их протестующим заявлениям, будто они действуют для сохранения мира, со стороны многочисленных мужчин и женщин, населяющих Азию и Африку. К тому же социализм вышел на свободу и по ту сторону орудий, а не только перед их дулами. Карл Маркс все еще хлопотливо бродит по Лондону, по Парижу и даже по Бонну. Социалистические идеи, помыслы и действия стали так же привычны повсюду, как милые утвенские «листья травы».

Советский Союз и его народы свершили великие дела для мира и культуры. Теперь вместо десятков людей, которые прежде были знакомы с творениями своих великих писателей, композиторов, художников или ученых, насчитываются миллионы; кроме того, теперь люди знают еще удивительный ансамбль Советской Армии, они знают всех своих гигантов спорта, этих юншей и левушек; знают их всех, дающих бодрость и радость народам своей страны и всем нам; не забыть бы еще того парня, который так превосходно изображает борьбу двух мальчишек; и кукольный театр!

Больше того, — а ведь это все гигантские достижения, — народы Советского Союза распахнули свои окна в окружающий мир. Они раскрыли свои двери навстречу великим гениям человеческой расы, приняв к себе умом и сердцем немец — Бетховена, Гёте, Шиллера и многих других; англичан — Уэлса, Дарвина, Диккенса; француз — Барбюса, Вальзака, Романа Роллана; ирландца Шоу. Они идут из всех стран и охотно принимают хлеб и соль русского гостеприимства, любовь русского народа. Они бродят по улицам городов и деревень, подсаживаются к очагам; они говорят, поют, играют на пианино и чувствуют себя дома. Русские же мыслители, писатели, ученые, композиторы идут к нам, и мы жмем им руки и прислушиваемся к их речам. И, несмотря на языковые преграды, они вместе с нами; их величие принадлежит нам, мы разделяем с ними их блеск и славу. В молодости я узнал Толстого; немного позднее я услышал от Тургенева, но понятия не имел о Горьком или о Гоголе. Сейчас Горький — мой товарищ, и длинный нос Гоголя знаком мне не хуже моего собственного длинного носа.

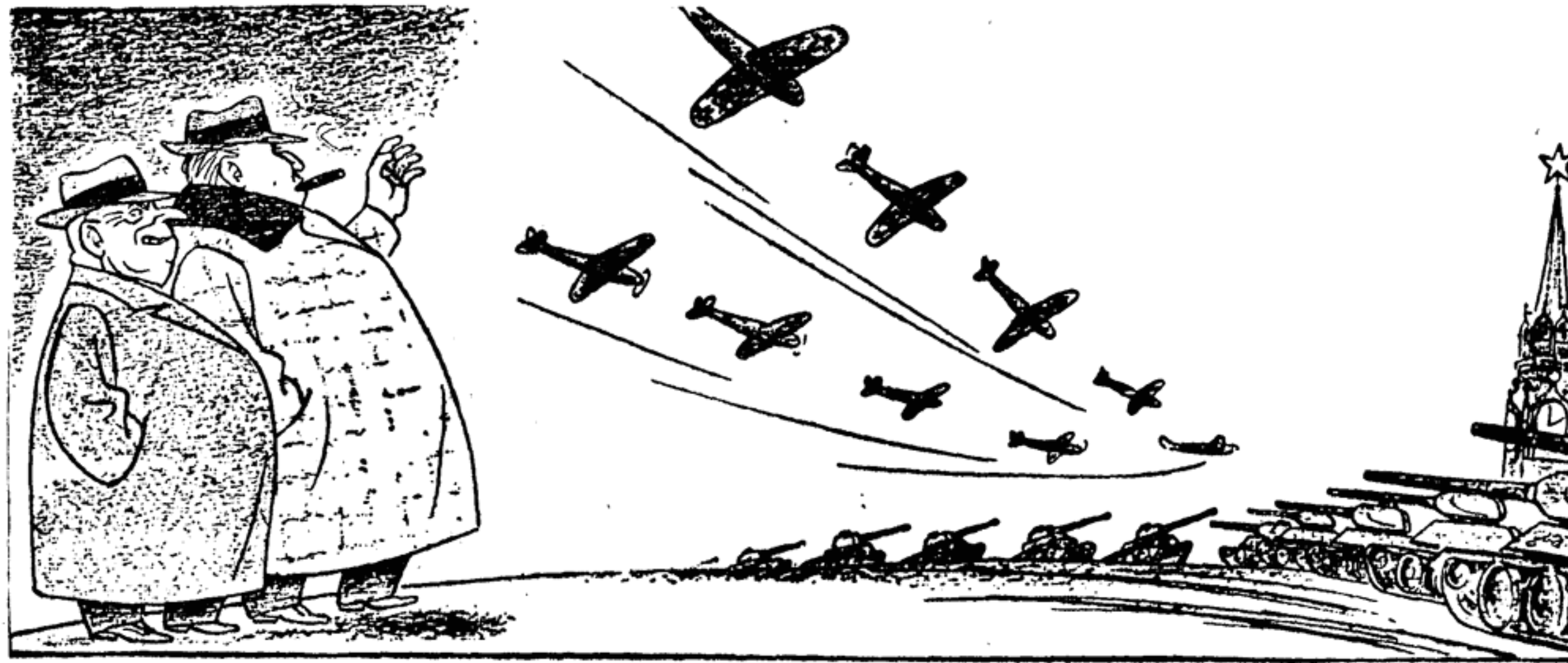
Революция не кончена. Перед Советским Союзом все еще стоят множество проблем, которые нужно решить, например, приручить землю заброшенных краев, сделать ее более гостеприимной и способной удержать возле себя деятельное и довольное живое общество. Советский Союз и все мы вместе с ним должны продолжать борьбу за действительный мир во всем мире и всеобщую безопасность, за то, чтобы все, что нужно сделать, действительно было сделано с большой скоростью и как можно лучше. Мы боремся за мир, потому что еще многое нужно сделать, а нам на земле отпущено не так уж много времени, и мы стремимся сделать все, что в наших возможностях, прежде чем время кончится для нас. Советский Союз указал путь; мы идем за ним, для того чтобы люди могли жить в мире и дружбе не год и не день, а вечно.

А теперь, как в начале, по случаю сороковой годовщины Октябрьской революции, подношу свою руку ирландца ко лбу, отдавая честь этой революции и всему, что пришло благодаря ей, всему, что уже пришло, и всему, что еще придет в будущем.

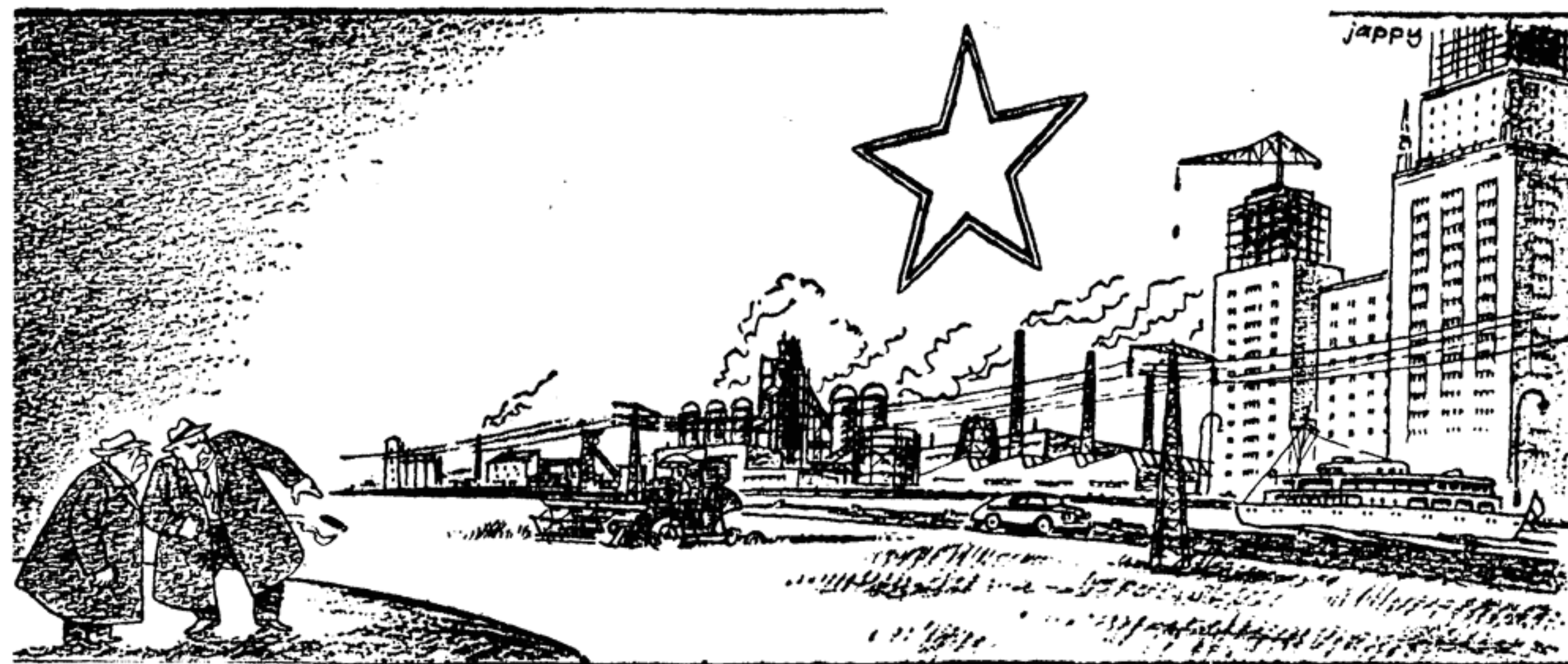
НЕЗАДАЧЛИВЫЕ ПРОРОКИ

1917 год. — Даже четырнадцать дней не продержатся Советы...

1941 год. — Даже четырнадцать дней...

1957 год. — Даже...

Рисунок для «Литературной газеты» чехословацкого художника Вилема РЕЙХМАННА (Ялла)

МОЕ СЕРДЦЕ СОГРЕТО ЛЮБОВЬЮ

Халлдор ЛАКНЕСС,
исландский писатель

В СВЯЗИ с сороковой годовщиной Октябрьской революции прошу вас принять самые сердечные поздравления от писателя, который вот уже тридцать лет называет себя социалистом, ибо назван за лучшую жизнь, и по сей день считает, что если социализм не принесит людям благоденствия, то он превращается в пустой звук. Для меня, как и для всякого другого социалиста, где бы он ни жил, возникновение крупного социалистического государства означает не только уничтожение в России нищеты, гнета и эксплуатации, но также появление в этой стране реальных возможностей для свободного развития разнообразных дарований человека и создание таких условий, при которых изобилие станет уделом подавляющего большинства народа. Эта вера всегда служила для социалистов разных стран мощным стимулом в их борьбе. Замечательные культурные достижения, которых Советский Союз добился за какие-нибудь сорок лет, потрясли весь мир.

Так же, как и прежде, я желаю Советскому Союзу скорого наступления эры благоденствия для всех его граждан, свободы духа и бесстрастия, органического и беспристрастного мирного расцвета яркого, играющего всеми красками, цветка цивилизации, — словом, всего того, что должно сделать жизнь в социалистическом государстве самой полной, а его народ — самым счастливым в мире.

Во время своих поездок в Советский Союз я подружился со многими людьми, душевные качества которых я высоко ценю. В СССР живут некоторые из лучших моих друзей. Надеюсь, что я никогда не утрачу связи с этими дорогими мне людьми. Сейчас, в связи с великой годовщиной, я думаю об этих близких друзьях, о бесчисленных советских читателях, друзьях, ко мне расположенных, и обо всем советском народе, преодолевшем столько трудностей, чтобы добиться лучшей жизни, — и горячая любовь согревает мое сердце.

Карлос Аугусто ЛЕОН
(Венецуэла)

Я ПОЮ О ЛЕНИНЕ

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ПОЭМЫ

О Ленине пою, о том, что означает это имя,
О Ленине пою, чтобы сказать себе,
Где место в истории мое,
Где место — в мире, мой перекресток
времени,
Где — я.

О Ленине пою, когда другие
В сматываньи говорят: «Великий Ленин»
народ
Уже не тот, он с ленинской свернул
дорогой». —
Нет, Ленин, нет! Я знаю, что сейчас,
Как никогда, ты — среди народа своего.
Проклятые тем, кто оскорбляет семью твоих
народов,
Тем, кто хочет на них набросить покрывало
лжи.

Но этот трюк — не нов. Ты поминишь?
Для них и ты был только лишь
«Великий вождем «варваров»,
Весь твой народ, поднявшийся на бой,
Для них был только лишь «ордой».
Так лаляли они,
Так лаляли, и тот же лай
Звучит сегодня.

Однажды, Ленин, недалеко от Ленинграда
Мне показали шалаш.
Стоял он — маленький, покрытый снегом.
«Здесь, — мне сказали, — здесь скрывался
Ленин.
Здесь был он незадолго до Октября».
Здесь ты скрывался с карандашом и книгой.

Я думаю:

«Тесен — не больше горсти — этот был шалаш,
И в нем был ты, огромный,
Потому, что с тобой был твой народ,
И партия твои.
И с вами — семья мира.
Семья, которое так скоро
Должно было раскрыться,
Готовое пустить свои ростки.
Какой огромный лес
Сегодня вырос в мире
Из семени того. И сколько еще семян,
Учитель Ленин, готовых вот-вот
раскрыться
И здесь, в Америке, и в Азии,
И в Африке, в Европе,
Их расцвета боится те,
Кто ненавидит жизнь».

О Ленине пою, когда другие
Волят в Нью-Йорке, в Лондоне, в Париже.
Волят: «Конец СССР... Взгляните
на Сталина».
Они хотят взять Сталина у нас,
Хотят взять Сталина, который сталью был,
разя врагов,
И с нами — Ленин!

(Сказать по правде, я не понимаю,
Как могут в руки взять они огонь?)
Хотят взять Сталина,
Чтоб нанести удар по СССР,
И нас удирать...

Но напрасно... Этот человек
Был нашим и остается с нами...
Он допускал ошибки, это правда.

Но уже сказали китайцы,
Самый старый и самый молодой из всех
народов,
Что сумма всех его ошибок
Была и остается меньше суммы его заслуг.
И Сталин был и остается с нами.
Я не отдам его врагам.
Он твердым был коммунистом.

О Ленине пою, и песнь дает мне силы
Бороться против зла войны.
Ты, Ленин, завещал нам мир,
Учил нас миру.
И твой народ, и партия твои
Сражаются за мир.
Ты завещал нам мир,
Ты научил нас миру,
Как самому высокому желанью.
Товарищ и учитель, о тебе я песню свою
пою.

Мы выиграем мир, все вместе!
Мир выиграет вся земля и все народы,
Мир выиграем мы.
И если кто-нибудь нас спросит:
— С кем вы идете?
Мы ответим, с кем мы идем:
— Мы с Лениным идем,
С народом Лениным,
С народами его,
Мы с Лениным, и с нами все народы земли.
И нас никто не запугает,
Ничто нас не удержит,
Мы — поток истории,
И с нами — Ленин!

Перевел с испанского
Н. РАЗГОВОРОВ

Я РАД возможности приветствовать по случаю сороковой годовщины Октябрьской революции Союз Советских Социалистических Республик, его руководителей и трудящихся, его писателей, художников и музыкантов и в особенности его школьников, студентов и преподавателей.

Впервые я узнал о России из книг в 1885 году, когда учился в средней школе. В книгах рассказывалось о роскоши и расточительстве царей и знати, о бедственном положении трудового народа, о жестоком преследовании всех, кто боролся за свободу. Особенно сочувствовал я крестьянам, которые были освобождены от крепостной зависимости примерно в то же самое время, когда освободились от цепей рабства и мой народ. Подобно русским крестьянам, американские негры после освобождения по-прежнему прозябали в нищете и невежестве.

Окончив Гарвардский университет и университет в Германии, я посвятил себя изучению истории. Я преподавал студентам-неграм и пытался научно проанализировать взаимоотношения между расами. Америкация не пожелала поддержать мое начинание, и в 1910 году я перешел к пропагандистской работе, стремясь довести до сознания американского народа необходимость образования для негров и их право на участие в прогрессе человечества. Я основал и в течение 23 лет издавал ежемесячный журнал, который смело ратовал за лучший рост всех людей, и в особенности угнетенных американских негров.

Когда в России произошла революция, я очень слабо откликнулся на нее: самозанятости толпы и лицемерие негров, нарушение

У. Э. ДЮБУА,
американский ученый
и общественный деятель

НЕВИДАННЫЙ СКАЧОК

их гражданских и политических прав, настоятельные утверждения американских ученых, что негры — низшая раса («недочеловек»), — вот что погоняло все мои мысли и чувства. Как только было подписано перемирие, я поспешил в Париж, чтобы организовать Пан-африканский конгресс и таким образом привлечь внимание стран, действовавших условия мира, на бедственное положение африканских негров и их соплеменников в Америке. В ходе этих подготовлений я побывал в Лондоне и Женеве и, ознакомившись с рабочим движением и с развитием марксистского социализма, осознала подлинное значение русской революции.

Но ни в тот момент, ни по возвращении в Америку мне не удалось собрать достаточное сведений о том, что же в действительности происходило в России. Западные державы начали против России войну, и все американские газеты, журналы и книги были полны самых противоречивых данных. Мне не под силу было отличить истину от лжи, тем более, что все мое внимание было посвящено развитию негритянской проблемы в послевоенной Америке. Я никак не высказывался насчет русской революции (если не считать нескольких довольно туманных замечаний по этому вопросу) просто потому, что мне ничего не было известно.

И вот как-то утром — было это в 1927 году — ко мне в кабинет вошли трое русских: супружеская пара, люди с богатым жизненным опытом, в с ними — светловослый гигант, полный энергии

и энтузиазма. Они хотели заручиться моей поддержкой, чтобы помочь Советскому Союзу добиться дипломатического признания со стороны американского правительства. Такая настойчивость вызвала у меня улыбку. Я объяснил, что особое влияние не имею и считаю, что в Америке всего-навсего гражданские негры не имеют права голоса; они лишены многих гражданских прав и привилегий. Мои гости пригласили меня пообедать с ними, но ни в одном солидном ресторане Нью-Йорка не стали бы обсуждать негра в этой стране свободы и прав парней и не ожидать любого оскорбления и насилия, но русские продолжали настаивать: «Ведь вы выступали на собраниях и в печати перед 11 миллионами негров, да и многие белые к вам прислушиваются». Пришлось мне признать, что я мало знаю о России, о том, что там произошло и происходит сейчас. Мне неоткуда было черпать факты, а не имея фактов, я не мог сказать. «Если так», — возразили они, — то почему бы вам не побывать в России? Тогда вы сможете все посмотреть своими глазами».

Так и получилось, что в 1928 году я поехал в Советский Союз и пробыл там два месяца. Я побывал в Ленинграде, Москве, Нижнем-Новгороде, Киеве, Одессе. Я посетил школы, заводы, церкви и частные дома; беседовал с рабочими, служащими и крестьянами; видел бедность, неграмотность и тяжкий труд. Но в то же время я видел и совершенно новый народ, как бы рожденный заново, ис-

полненный решимости и надежды и проявлявший симпатию ко мне и к моему народу. Я понял, что такое клеветы, когда прочитал в газете «Нью-Йорк таймс», что в Бронкхайте началась революция и улицы его «залиты кровью». Сообщение было датировано тем самым днем, когда я приехал в этот мирный, спокойный город.

После этого я приезжал в Советский Союз дважды: в 1936 году я побывал в Москве и совершил незадолго поездки по транссибирской магистрали, ехал, мы медленно и в дороге беседовали с попутчиками и с населением. В 1949 году 25 американцев получили приглашение присутствовать на Всесоюзной конференции сторонников мира. Принял это приглашение только один я. На конференции я встретился с руководящими деятелями и представителями трудящихся всего Советского Союза и из многих стран мира.

За эту поездку, за участие в Парижском конгрессе сторонников мира и за распространение в Социалистических Штатах текста Стокгольмского воззвания против атомного оружия правительство Социалистических Штатов обвинило меня в том, что я отказался признать себя «агентом иностранной державы». У меня сняли отпечатки пальцев, заковали меня в наручники. Меня хотели приговорить к пяти годам тюремного заключения и к штрафу в размере 5 тысяч долларов. Чтобы добиться снятия этого несправедливого обвинения, потребовался энергичный протест трудящихся и писателей всего мира.

После всех этих испытаний мне остается только выразить свое преклонение перед Союзом Советских Социалистических Республик — великим государством, совершившим чудо. За 40 лет — немногим больше срока жизни одного поколения — наша страна сделала невиданный скачок: если раньше народ страдал от нищеты, болезней и суеверий, то теперь он стал здоровым, он обладает высоко развитой промышленностью, он навсегда освободился от религиозных пут и поповского засилья. Если раньше почти 80 процентов населения было неграмотным, то теперь советские граждане — мыслитель и образованные люди, а советскую систему образования, пожалуй, можно назвать лучшей в мире; если раньше экономическое состояние страны составляло отсталое крестьянское хозяйство, то теперь на смену ему пришла крупная коллективная хозяйства и крупные промышленные предприятия, которые становятся самими производительными в мире.

Я не забываю о том, что чудо это свершилось, невзирая на вооруженную интервенцию почти всех цивилизованных стран мира, в том числе и моей собственной; невзирая на экономический бойкот и потоки гнусной клеветы, неслыханной по своей полноте. И все же, несмотря на эти беспремерные исторические нападки, не прекращавшиеся в течение 30 лет, не кто иной, как Советский Союз пожертвовал миллионами своих сынов и дочерей и значительной частью своей промышленности, созданной

ценой кровавых усилий, чтобы спасти от ужасов гитлеризма тот самый мир, который так злобно клеветал на него.

Не удивительно, что эти замечательные достижения стоили советскому народу много крови и слез, — ведь его терзали не только чужеземные агрессоры, но и внутренние враги. Не удивительно, что в период этого сверхчеловеческого напряжения Россия знала и шатавшиеся, и раздоры, и голод. Ведь русские — не ангелы во плоти и никогда ими не были; они обыкновенные люди, которых к тому же на протяжении многих веков унижали и эксплуатировали те самые страны, что и сейчас стремятся их уничтожить. Это еще так пресмыкающиеся перед царями и великими князьями, кто еще так курдил им основы страны составляло отсталое крестьянское хозяйство, то теперь на смену ему пришла крупная коллективная хозяйства и крупные промышленные предприятия, которые становятся самими производительными в мире.

Я не забываю о том, что чудо это свершилось, невзирая на вооруженную интервенцию почти всех цивилизованных стран мира, в том числе и моей собственной; невзирая на экономический бойкот и потоки гнусной клеветы, неслыханной по своей полноте. И все же, несмотря на эти беспремерные исторические нападки, не прекращавшиеся в течение 30 лет, не кто иной, как Советский Союз пожертвовал миллионами своих сынов и дочерей и значительной частью своей промышленности, созданной

ценой кровавых усилий, чтобы спасти от ужасов гитлеризма тот самый мир, который так злобно клеветал на него.

ким; также нет никаких сомнений в том, что в Советском Союзе имели место и излишняя подозрительность, и случаи преследования невиновных тогда, когда термин «враг» и «справедливость» дали бы гораздо больше результатов. Но это вполне естественно для народа, в историю которого было столько трагического и который в наше время наталкивался на самое враждебное отношение к нему.

Американцы меньше, чем кто бы то ни был, вправе требовать последовательности от других. Мы провозгласили «всеобщее равенство», хотя около полутора миллиона людей по-прежнему оставались рабами. Джордж Вашингтон сам был рабовладельцем и работодателем; Авраам Линкольн предлагал жезлом оставить негров в рабстве, лишь бы Юг не откололся от Севера, что было бы невыгодно для северных предпринимателей. Проявления человеческой природы порою бывают отвратительными, но мир беспрестанно совершенствуется: сплотился и пала человек упорно продолжает идти вперед; никогда еще за всю историю человечества мир не был свидетелем столь отчаянной, — и столь успешной — борьбы, как та, что ведется в Советском Союзе со времен революции 1917 года.

Я приветствую вас товарищи, и от души благодарю за то, что вы первыми из всех стран современного мира признали равноправие цветных народов Африки и Азии. Америки и Океании с белыми народами земного шара.

Мой покор

«И ГРЯНУЛ ГРОМ...»

МОЖЕТ быть, люди моего поколения когда-нибудь напишут историю-предсказания лет Болгарии. Тех лет, когда первые подземные толчки и отдаленные грозовые раскаты возвестили начало великой бури, которой суждено было потрясти старые основы, очистить мир от задухлого воздуха, оздоровить всю духовно-культурную, теоретико-идеологическую атмосферу и, наконец, широко распахнуть двери в новую, величайшую в истории нашу и всех других народов эру.

Будучи юной гимназисткой и в ранние студенческие годы, я, как и Христо Янево, а позже — Гео Милев, Христо Смирненский, Крум Кюлявков, боготворил Ботева, любил Вазова, Горького, Толстого, знал наизусть П. Яворова и Пенчо Славейкова, читал уже Пашанова и Д. Благова, но еще не был знаком с Лениным.

Вместе с Христо Яневым — в 1906—1907 гг. некоторое время жил у нас дома — мы посещали беседы и собрания «тесных социалистов», а дома читали популярную книгу: «Так говорит Заратустра», «Бранд», «Аглавена и Селизета». В университете на семинарских занятиях профессора К. Кривеца я критиковал Фолькельта и защищал Ботева и Вазова от Пенчо Славейкова и П. Ю. Тодорова. Правда, мой реализм в ту пору не был еще ни ясным, ни до конца последовательным, а Христо Янево — в наших девственных лесах искал дремлого «Пана» и уже начал потихоньку воздвигать свой «Рыцарский замок».

Наша духовная жизнь тех лет была пропитана глубокими противоречиями: наряду с освежающим дыханием, идущим от партии «тесных социалистов» и первой русской революции, еще чувствовалась застоявшийся болотный воздух. Но небо позвали тяжелые электрические тучи, насыщенные зарядами, хотя вспышки молний еще не успели прорезать эти тучи.

И в самой партии «тесных социалистов» было что-то такое, что нам, например, не нравилось. Но что именно, нам не было ясно. Особенно не нравилось отношение партии к Вазову, нас смущало и отношение партии «тесных» к П. Яворову, Пенчо Славейкову, Ц. Церковскому.

Первая балканская война 1912 года вызвала у меня и Христо Янево еще большее смущение: народная интеллигенция, как и весь народ, сражалась героически, даже некоторые лидеры «тесных» вернулись с орденами за храбрость на груди. Партия оказалась права в том, что для болгарских буржуа и монархистов война была национальной войной и империалистической. И это было огромным капиталом партии. Но зато она еще не научилась большевистскому отношению к крестьянству и македонскому революционному движению, не была в состоянии сделать ленинский анализ войны и извлечь надлежащие уроки для себя и всей нашей революции.

Первая национальная катастрофа, когда България потерпела поражение во второй балканской («междоусобицной») войне 1913 года, глубоко поразила нас. Христо Янево был просто сокрушен, он еще плотнее заперся в своем «Рыцарском замке» и еще ревностнее устремился по следам детсадовской поэтической фантазии — «Пана». А Гео Милев уже входил «в

волшебный круг модернизма». Народные массы сразу же после первой катастрофы обратили свои взоры к партии, а мы с Христо Яневым, Гео Милевым, Людмилем Стояновым и другими все еще никак не решились вступить в ее ряды, хотя и участвовали в некоторых ее мероприятиях, и искренне любил Д. Благова.

И лишь только разразилась первая мировая империалистическая война, а затем в 1917 году на нашем и мировом небосклоне блеснули ослепительные молнии Великой Октябрьской социалистической революции, Христо Янево, еще не издавший к тому времени свой «Рыцарский замок», решил в глубине души сжечь его. После 1919 года, когда партия уже стала именоваться коммунистической и присоединилась к III Коммунистическому Интернационалу, Христо Янево неоднократно повторял мне: «Теперь я вступаю. Вступаю бесповоротно — другого пути нет». Я не знаю, когда точно он вступил в партию, поскольку в 1919 году, когда я вступил в нее, я учительствовал в Казанлыке. В 1922 году, когда я приехал в Софию по решению ЦК БКП (т. с.), чтобы занять пост редактора журнала «Младех», я нашел Христо членом партии и активным работником в области военных вопросов. После 1923 года Гео Милев написал свою бессмертную поэму «Сентябрь». Крум Кюлявков и Людмила Полянова прочно стояли на своем партийном посту, а Христо Смирненский, поднятый на гребни народной революционной волны, дал нам свою вдохновенную революционную поэзию в сборнике «Да будет день».

Великая Октябрьская социалистическая революция сыграла решающую роль не только в жизни упомянутых здесь людей, но и в жизни всей честной, демократической и революционно настроенной интеллигенции, всего рабочего класса и трудящихся масс Болгарии. Она встряхнула, очистила мир, открыла и направила умы, души, сердца людей, восторженно обогатила их жизнь, раскрыла необъятные просторы для действительной революционной мысли, борьбы и творчества. Партия пошла по пути большевизации, а социалистический реализм Ленина, Горького и Маяковского, несмотря на то, что он получил это свое название много позже, стал знаменем наших болгарских писателей и поэтов, литературных теоретиков и критиков.

В Великой Октябрьской социалистической революции мы получили свое боевое крещение, она возродила нас к новой жизни. За ее великое дело отдали свою жизнь Христо Янево, Гео Милев и еще многие болгарские писатели, поэты и культурные деятели.

Их жертва-подвиг не был напрасным: никакие прощис, скрытые или открытые, современного ревизионизма, капитулянтства, догматизма не в состоянии уже разрушить или нанести ущерб великому историческому делу Октябрьской социалистической революции, мудрой ленинской партии — учитель БКП и всех других коммунистических партий, делу мира и братской дружбы между народами, неустанно отстаиваемых Советским Союзом, непобедимой и всепобеждающей теории Маркса—Энгельса—Ленина.

И грянул гром, и свободно вылились мысли, мечты и желания, и не только в СССР, Народной Республике Болгарии и других странах социалистического лагеря: революционные молнии успели лизнуть своими языками всю планету, великий гром потряс все человечество, и пробуждился в новой жизни весь, что есть в мире честного, прогрессивного, революционного. Гены и шакалы зловеще взыли. Но что же им остается делать?

Гром грянул — неумолимое колесо истории вращать повернуть невозможно!

Я шлю самые добрые пожелания народам Советского Союза, на днях в день укрепляющим мир и братство, которые стали реальностью в их стране.

Холстэд, Англия.

Мой дедушка говорит, что если бы они не совершили революции, у нас не было бы спутника Земли.

Рисунок для «Литературной газеты» французского художника Луи МИТТЕЛБЕРГА

Тодор ПАВЛОВ, общественный деятель Болгарии, академик

«Тесные социалисты» — болгарская революционная марксистская партия, организационно оформившаяся в 1903 году.

Мохаммед ДИБ, Аджир

ОКТАБРЬ

Словно река полноводная, бурно разлился Октябрь, Деревья листвою покрывшись, жить начинала сначала, И на планете древней Новая эра настала.

Будет забыта ненависть, Будет забыто отчаяние, Будет забыты страдания, Терзавшие тело и душу, Алжир мой! Песню прекрасную, Грозную песню слушай!

Все ближе она, все ближе, Она урагану подобна, Нет, в тысячу раз сильнее И громче она урагана, Потому что людей миллионы Поют ее в разных странах.

И слабый мой голос вторит Этой торжественной песне, Песне, что мрак убивает, Убивает жестокость и войны И ночь озаряет светом, Уверенным и спокойным.

Я вздохнул на высокую гору, И страх души не знает, Мой привет и мои надежды К вам летят из далекого края: Пусть ярко над всей землей Звезда Октября сияет!

Перевел с французского М. КУДИНОВ

Оплот мира и цивилизации

Льон ФЕЙХТВАНГЕР, немецкий писатель

ГЛУПОСТЬ, коварство, жестокость всегда ставили почти непреодолимое препятствие перед любой попыткой дать человечеству более разумную и более полноценную во всех смыслах жизнь. Иные мыслители, отчаявшись в человеке, изображали всемирную историю, как нагромождение бедствий и преступлений. Тем более глубокую радость испытывает каждый друг человечества, если он становится очевидцем немногих событий, неопровержимо доказывающих, что понятие «прогресс» — не пустое слово.

Величайшее из таких событий в новейшей истории — Октябрьская революция. Мыслители и вожди этой революции осуществили небывалый опыт перестройки мира согласно принципам разума, опыта, который до этого столь часто заканчивался неудачей. Правда, не разрешены еще многие неясные вопросы и предстоит пройти еще немало крутых дорог. Но за сорок лет своего существования Советский Союз победил так много сильных врагов — внутренних и внешних, — что даже самый осторожный историк имеет право ныне заявить: Советский Союз есть, он стоит прочно и твердо и будет стоять вечно. Только явный безумец может всерьез думать о том, чтобы уничтожить его. Нет такой силы на земле, которая могла бы даже посягнуть на это.

Вы, читатели «Литературной газеты», сейчас, в сороковую годовщину Октябрьской революции, не можете не испытывать чувства глубочайшего удовлетворения. Больше, чем когда-либо, вы имеете все основания с гордостью повторить слова поэта: «Сильнее всех живущих — человек!»

Союз социалистических государств стал ныне убедительнейшей реальностью в политической жизни человечества. Этот союз государств — оплот мира и цивилизации. Нет на земном шаре такого уголка, который не испытывал бы на себе его влияния.

Осуществление идей Октябрьской революции преобразило большую часть человечества и искоренило на большей части нашей планеты уверенность в том, будто только богатство дает человеку высокое положение и счастье.

Конечно, советскому народу предстоит еще много усилий и тяжелого труда. Но опасности роста уже нет. Он живет в своей великой стране, возмужавший, зрелый, сознающий и свою несокрушимую силу, и свою великую ответственность перед миром.

Всем сердцем разделяю я вашу гордую радость.

Вы открыли путь другим

Я ЗНАЮ, что советские писатели регулярно встречаются со своими читателями. Мне рассказывали, что писатели и читатели знакомятся друг с другом, учатся друг у друга, хвалят, критикуют, объясняют. Но сожаления, а лишь возможности поддерживать личный контакт с советскими читателями. Но я решил написать письмо я приурочил к торжественному и знаменательному событию, в связи с которым все разумные люди на земле поздравляют не только народы Советского Союза, но и друг друга.

Я прожил на земле более полувека. Большая часть моей жизни уже позади. Я достиг такого возраста, когда человек имеет право признаться за мемуары. Оглядываясь на прожитые годы, я должен признать, что жизнь моя была более беспокойная, чем мне бы хотелось. Она была омарена войнами и кризисами. В течение моей жизни на земле совершилось много грустных и страшных событий.

Но за это время произошло и нечто иное. Сверхисполнилось то, что дало смысл существованию человечества. Это свершение, это рождение произошло в нашу эпоху, на наших глазах.

События всемирной истории невозможно взвесить на чаше весов. Нет такого масштаба, при помощи которого можно было бы измерить прогресс. Революция трудно раскладывается по ранжиру. Когда-то, на заре истории, наши предки спустились с деревьев на землю и стали ходить на двух ногах. Это была революция, которую, несомненно, осудили осторожные консервативные обыватели. Когда люди овладели огнем, началась цивилизация.

Древний мир о Прометее, похитившем у богов огонь, — это история покорения природы человеком. Завоевание трудящимися средств производства, которые они вырвали из рук привилегированного меньшинства, — это своеобразный вариант истории Прометея. Русской революцией 1917 года начинается история новой человеческой цивилизации.

Идея социализма родилась не в России. Но народ Советского Союза превратил теорию в действительность. Теперь мы знаем, что социализм — это не мечта, а реальность. Не будь Советского Союза, социализм так и был бы для нас теорией. Теперь мы увидели его на практике. Мы можем поехать в Советский Союз и наблюдать социализм в действии. Социализм воплотился в жизнь. Одним из величайших событий моей жизни я считаю посещение Советского Союза. Побывав там, я заглянул в будущее.

Посещение страны социализма глубоко взволновало меня. Причем наибольшее впечатление на меня

Спасибо народу и писателям Советского Союза

Лао ЦЗЭ, китайский писатель

Великая Октябрьская революция открыла перед человечеством новую эру. Осуществилась мечта людей о социализме, создано общество, где человек перестал эксплуатировать человека!

Трудящиеся всего мира вместе с передовой интеллигенцией на примере достижений Октябрьской революции еще больше уверовали в самую возвышенную мечту человечества — социализм, они поняли, что он может быть построен только в ходе революционной борьбы под руководством Коммунистической партии. Без революционной борьбы мечта останется лишь мечтой, превратится в пустую фантазию.

Советский народ на собственном примере доказал всему миру необходимость тесного увязывания революционной мечты с революционной практикой и показал конкретные методы воплощения этого в жизнь.

Под воздействием идей Октябрьской революции всего мира пришли в движение. Огромное влияние Октябрьская революция оказала и на китайский народ, подняв его на борьбу. Китайский народ вечно будет благодарен этому великому началу, так же, как вечно будет благодарен за бескорыстную помощь и поддержку советского народа, оказанную в разное время нашей

Рената ВИГАНО (Италия)

КРАСНЫЕ ПЛОЩАДИ

Не только в Москве есть Красная площадь. Там, где борцы за свободу Под красной свинцовой погубили, Где красная кровь Обгаряла холодные камни, И солнце лучами своими Впивалось в раны погибших, — Там площади тоже Красными стали.

И не только в Москве через Красную площадь Шагают людские колонны, Не только перед Великой Могилой Ненасытные толпы текут, Не всякая, словно воды реки, Омывающей стены Кремля, Нет!

И другие площади мира, Обгаренные кровью борцов за свободу, Слышат верную поступь людей. Что грядущему выжили навстречу. Подобно раскатам грома. Неумолима грозная поступь Раздается все громче и громче. Это поступь тех, Кто всю жизнь ничего не имел. Это поступь тех, Кто завтра заполнит все площади мира. Это поступь тех, Кто сегодня идет через Красную площадь Москвы.

Перевел с итальянского М. ПАВЛОВ

Вы открыли путь другим

Ханс ШЕРФИГ, датский писатель

Их собственные брошки им не принадлежат. Люди затаили страх перед счетами. У нас есть много нервных людей. В нашей благоденствующей стране очень много самоубийств.

Развлечения стали у нас отраслью промышленности. Книжные магазины и кинотеатры продают забвение. Они торгуют мечтами и порнографией. Эротика стала товаром. Усыпление можно купить за наличный расчет. Буржуазия трудно понять, что мир может быть не товаром, а чем-то иным, что жизнь может быть не рынком, а чем-то большим и что у человека может быть иное назначение, чем торговать.

Быть может, в Советском Союзе меньше товаров. Андре Жид когда-то жаловался, что в Москве неувеселные люди. Но там люди могут радоваться, что никто не годождает. Пища кажется вкуснее, когда другие тоже сыты. Сообща борются за какую-либо цель — большое счастье. В капиталистическом обществе каждый борется за себя. Однообразие называют иногда индивидуализмом.

Когда 40 лет назад возник Советский Союз, миру открылось будущее. Человек приобрел новую ценность. Там, где нет эксплуатации человека человеком, возникает новая, лучшая мораль. Там, где никто не наживает денег на войне, вечновечная мечта человечества о мире на земле становится действительностью.

На наших глазах свершилось рождение нового мира, которое омыслило жизнь на земле. Роды — всегда болезненный процесс, они не бывают бескровными. Рождение социализма не было легким. Теперь можно говорить об ошибках, которые были совершены, когда впервые строился новый мир, когда не было ни образцов, ни опыта, в борьбе с вражеским окружением. Неувядаемая заслуга советского народа и его Коммунистической партии состоит в том, что они не отклонились с пути социализма, несмотря на опасности и ошибки.

Тем, кто следует примеру Советского Союза, приходится гораздо легче. Говорят о разных путях к социализму, но без примера и опыта Советского Союза они были бы невозможны. Советский народ проложил дорогу. Жертвы, страдания и мужество советских людей облегчили путь другим.

На наших глазах совершился величайший шаг в истории человечества. Мир был не только потрясен, он был изменен. Те, кто будет жить после нас, будут жить спокойнее. Прежде чем возводить новое здание, надо расчистить развалины. Вот почему и литература в такую эпоху должна расчищать и разоблачать. Но, имея перед глазами советскую социалистическую действительность, писатель-сатирик получает возможность не только критиковать и отрицать, но и утверждать положительный идеал. Благодаря Советскому Союзу писатели капиталистического мира также сохраняют веру в людей и непоколебимую любовь к жизни на земле.

С благодарностью и восхищением я поздравляю моих читателей, друзей и товарищей в Советском Союзе с наступающим праздником.

ФРЕДЕНСБОРГ, Дания.

ПОБЕДНАЯ ПОСТУПЬ СОЦИАЛИЗМА

Капиталист: — И помни, что будущее принадлежит мне!.. Рисунок для «Литературной газеты» итальянского художника Рауля ВЕРДИНИ

Оплот мира и цивилизации

Льон ФЕЙХТВАНГЕР, немецкий писатель

Вы открыли путь другим

Ханс ШЕРФИГ, датский писатель

Их собственные брошки им не принадлежат. Люди затаили страх перед счетами. У нас есть много нервных людей. В нашей благоденствующей стране очень много самоубийств.

Развлечения стали у нас отраслью промышленности. Книжные магазины и кинотеатры продают забвение. Они торгуют мечтами и порнографией. Эротика стала товаром. Усыпление можно купить за наличный расчет. Буржуазия трудно понять, что мир может быть не товаром, а чем-то иным, что жизнь может быть не рынком, а чем-то большим и что у человека может быть иное назначение, чем торговать.

Быть может, в Советском Союзе меньше товаров. Андре Жид когда-то жаловался, что в Москве неувеселные люди. Но там люди могут радоваться, что никто не годождает. Пища кажется вкуснее, когда другие тоже сыты. Сообща борются за какую-либо цель — большое счастье. В капиталистическом обществе каждый борется за себя. Однообразие называют иногда индивидуализмом.

Когда 40 лет назад возник Советский Союз, миру открылось будущее. Человек приобрел новую ценность. Там, где нет эксплуатации человека человеком, возникает новая, лучшая мораль. Там, где никто не наживает денег на войне, вечновечная мечта человечества о мире на земле становится действительностью.

На наших глазах свершилось рождение нового мира, которое омыслило жизнь на земле. Роды — всегда болезненный процесс, они не бывают бескровными. Рождение социализма не было легким. Теперь можно говорить об ошибках, которые были совершены, когда впервые строился новый мир, когда не было ни образцов, ни опыта, в борьбе с вражеским окружением. Неувядаемая заслуга советского народа и его Коммунистической партии состоит в том, что они не отклонились с пути социализма, несмотря на опасности и ошибки.

Тем, кто следует примеру Советского Союза, приходится гораздо легче. Говорят о разных путях к социализму, но без примера и опыта Советского Союза они были бы невозможны. Советский народ проложил дорогу. Жертвы, страдания и мужество советских людей облегчили путь другим.

На наших глазах совершился величайший шаг в истории человечества. Мир был не только потрясен, он был изменен. Те, кто будет жить после нас, будут жить спокойнее. Прежде чем возводить новое здание, надо расчистить развалины. Вот почему и литература в такую эпоху должна расчищать и разоблачать. Но, имея перед глазами советскую социалистическую действительность, писатель-сатирик получает возможность не только критиковать и отрицать, но и утверждать положительный идеал. Благодаря Советскому Союзу писатели капиталистического мира также сохраняют веру в людей и непоколебимую любовь к жизни на земле.

С благодарностью и восхищением я поздравляю моих читателей, друзей и товарищей в Советском Союзе с наступающим праздником.

ФРЕДЕНСБОРГ, Дания.

Спасибо народу и писателям Советского Союза

Лао ЦЗЭ, китайский писатель

Великая Октябрьская революция открыла перед человечеством новую эру. Осуществилась мечта людей о социализме, создано общество, где человек перестал эксплуатировать человека!

Трудящиеся всего мира вместе с передовой интеллигенцией на примере достижений Октябрьской революции еще больше уверовали в самую возвышенную мечту человечества — социализм, они поняли, что он может быть построен только в ходе революционной борьбы под руководством Коммунистической партии. Без революционной борьбы мечта останется лишь мечтой, превратится в пустую фантазию.

Советский народ на собственном примере доказал всему миру необходимость тесного увязывания революционной мечты с революционной практикой и показал конкретные методы воплощения этого в жизнь.

Под воздействием идей Октябрьской революции всего мира пришли в движение. Огромное влияние Октябрьская революция оказала и на китайский народ, подняв его на борьбу. Китайский народ вечно будет благодарен этому великому началу, так же, как вечно будет благодарен за бескорыстную помощь и поддержку советского народа, оказанную в разное время нашей

Благодарность артистам

Коллектив «Литературной газеты» выражает благодарность артистам, принявшим участие в праздничном концерте для сотрудников редакции, посвященном 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции: артистам Центрального детского театра — М. Курьянов, А. Грегер, Г. Печников, Н. Долгополов; артистам Центрального театра трагедии — И. Погодиной, И. Смирновскому, И. Третьяковой, Г. Мальковой, А. Баратовой, И. Лерину; артисту театра имени Б. Востокцова Я. Смоленскому; композитору М. Влантеру; артистам ВГКО — Р. Сикоре и В. Горшину; И. Наботову и Л. Наботову, сестрам В. и Л. Патрушиным; И. Коженикову; концертмейстеру Московской консерватории С. Семешовой; артисту Омского филармонического К. Михеичеву; артистам государственных цирков И. Разиной, Сен Тен АИ и Е. Михальнико; А. Динго и К. Калинин; В. Титову и А. Устинову, студенту Государственного училища циркового искусства В. Аркову.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИН, В. ДРУЗИН (зам. главного редактора), П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, Е. РЯБИЧКОВ, В. СОЛОХУН, В. ФРОЛОВ.